

Всеволод КОЛЕСНИК

РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

Всеволод Колесник

**Россия на перепутье. Историко-
публицистическая трилогия**

Издательский дом «Сказочная дорога»

2012

УДК 94(47+57)"654"
ББК 63.3(2)6-07

Колесник В. И.

Россия на перепутье. Историко-публицистическая трилогия /
В. И. Колесник — Издательский дом «Сказочная дорога», 2012

ISBN 978-5-4329-0011-1

В трилогии вскрыты причины кризиса коммунизма в СССР, несостоятельности командной «плановой экономики», дан новый взгляд на возможные пути развития России. Особого внимания заслуживают идея о создании партии нового типа и новая идеология регулятивизма, являющиеся, по мнению автора, великим историческим шансом для России. Книга, написанная истинным патриотом, проливает свет на многие проблемы современности и представляет интерес для всех, кто обеспокоен судьбой Отечества.

УДК 94(47+57)"654"

ББК 63.3(2)6-07

ISBN 978-5-4329-0011-1

© Колесник В. И., 2012
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2012

Содержание

От автора	6
Книга первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	29
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Всеволод Иванович Колесник

Россия на перепутье

© Колесник В.И., 2012

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2012

* * *

От автора

К пониманию истории существует несколько подходов. Например, такой: все предопределено заранее, может быть свыше, у каждой страны своя миссия, своя судьба.

Такой подход не приемлю: невозможно предопределить то, что еще не наступило. Другие рассуждают так: раз история человечества состоит из отдельных человеческих судеб, то не идеи и законы, а люди правят странами и народами. При таком подходе человеку, который не правит, но который уникален и, возможно, гений, отводится роль безропотного существа, которое и рождено для того, чтобы зависеть от воли не всегда умных родителей, воспитателей, начальников, амбициозных вождей или пророков, которые ведут народы сами не зная куда. Естественно, лучше, когда правит закон, а еще лучше – хороший закон. И чем общество справедливее, тем лучше закон. Закон зависит от социального строя. Иное для одного строя – норма, а для другого – преступление. Под справедливым обществом многие понимают коммунизм. Но коммунизм даже в энциклопедическом определении уже содержит противоречия. Необходима новая формация, альтернативная капитализму, но это не коммунизм.

В первой книге трилогии я попытался ответить на вопросы: закономерен ли был Октябрь и почему русский коммунизм приказал долго жить? Наряду с непримиримыми врагами коммунизма на Западе, творцы идеи «светлого будущего человечества» были, по моей версии, и его могильщиками.

Во второй книге я подвожу читателя к мысли, что в СССР никогда не было плановой экономики. Я русский коммунизм сравнил бы с айсбергом: в мировом океане сияла в лучах восходящего солнца только незначительная, его видимая часть, а остальное оставалось скрытым от людских глаз.

В третьей книге поставлен вопрос: прошла ли Россия переломную точку отсчета, после которой возврат ее к национальной русской государственности уже невозможен? Будет ли еще Россия стоять перед выбором? Если будет, то готовы ли мы к этому идейно? Только поэтому, как предпосылку создания новой русской действительности, следует нашей первой задачей поставить – отстоять свое право осмысливать и обсуждать свое прошлое, моделировать свою будущую судьбу. Рассуждать и мыслить свободно, не оговариваясь десятки раз, что мы, мол, в чем-то виноваты, не стремясь каждое здравое высказывание уравнивать другим, угодным нашим заклятым доморощенным врагам и Западу. Необходимо понять, что совершенно неправильно нашу жизнь в советское время рисовать только мрачными красками, даже если она и была в чем-то такой.

Не задумываясь о нашем прошлом, особенно советском, не делая необходимых выводов, к следующему повороту истории мы можем оказаться совершенно неподготовленными. Не допустить этого – вот первейшая задача, которую необходимо решать. Нужно понимать, что самыми важными вопросами являются вопросы идеологии. Вот почему в третьей, заключительной, книге трилогии речь идет не только о типе экономической системы, необходимой нам, но и о типе политической партии, которая будет способна воплотить новую идеологию в жизнь на благо России.

Выражаю благодарность Мыльникову Алексею Николаевичу за помощь, оказанную при написании трилогии, и прежде всего за критику, которая постоянно вдохновляла меня на поиски.

В.К.

Книга первая

Уроки становления страны Советов

Глава 1

Коммунизм как стереотип

Русский коммунизм потерпел катастрофу. Но именно когда рушатся под ударами какие-либо конструкции, на короткое время открывается глазу их внутреннее строение, обнаруживаются слабые точки. И в этот момент можно многое понять. Можно по-другому оценить и деяния «конструкторов». За суетой бытия, в пылу борьбы коммунисты – строители нового мира – не замечали слабые стороны теории правого дела. Хотя у Ленина есть ссылка на такие слова Маркса и Энгельса: «Наше учение не догма, а руководство для действия». Сам он на практике часто «ревисовал» марксизм. Но боязнь потерять авторитет, власть, услышать критику оппонентов по существу приводили Ленина и других марксистов ни к чему иному, как к догматизму и начетничеству (не так ли верующие ищут страницу, стих Писания, чтобы возразить или ответить приставучим атеистам). «Победоносное шествие» марксизма-ленинизма по планете остановилось, а пророчество Ленина о триумфе учения пролетариата в грядущую историческую эпоху так и не сбылось.

В том коммунизме, который был у нас, что-то было не так, раз он приказал долго жить. Если бы удалось из всего, что касается коммунизма, убрать весь мусор инсинуаций, догматизма и предубеждений! И с мифами бы покончить! Знаменитый английский философ Фрэнсис Бэкон считал причиной заблуждений разума ложные идеи – «идолы». Эти «идолы» мертвой хваткой берут людей за горло, душат мысль. Иногда эти «идолы» не стоят выеденного яйца, а за горло держат. При коммунизме были одни «идолы», теперь – другие.

Словечко «стереотип» придумали американцы. Стереотип – это предвзятое мнение о чем-либо. Например, житель Южных штатов США раньше «точно знал» (и от этой памяти американцам не избавиться никогда), что негры ленивы, прожорливы, похотливы и глупы, что они не способны научиться грамоте и что высшее счастье для них – быть рабами белого человека. Позже людей с темным цветом кожи стали «проталкивать» на видные руководящие посты в целях демонстрации пресловутой «демократии». Теперь вот въелся в сознание людей стереотип, что коммунизм – это плохо. Этот стереотип стал сейчас таким стойким, что нет возможности даже начинать разговор на эту тему – «Коммунизм». Тем более – пытаться преодолеть этот стереотип. Сложно жить в мире, в котором живучи (искусственно внедряемые в сознание людей) неверные оценки крупных событий, явлений прошлого, стереотипы мышления, перекосы теоретического, идеологического порядка.

Люди часто далеки от понимания существа вопроса, так как находятся в плену этих самых стереотипов, своих убеждений, являющихся результатом воспитания, образования, влияния окружающих людей, иногда явного зомбирования, но чаще всего – вследствие «твердых знаний». И чем увереннее человек в дискуссии себя чувствует, тем нагляднее демонстрирует неспособность понять и принять альтернативу оппонента. А ведь твердое убеждение, извините, это признак глупости... Все течет и меняется...

Некоторые считают (назовем это первым заблуждением), что доктрина коммунизма, изложенная классиками марксизма-ленинизма, была законченной, целостной, гениальной. На это есть возражение: все как раз с точностью до наоборот. Все там было сырое, «сваренное» наспех. Интересно, что, вооружившись «всепобеждающей теорией Маркса», никто, как ни странно, не отважился на бумаге описать коммунизм – то, что строили миллионы. Сомни-

тельным является безапелляционное отрицание Марксом и Энгельсом частной собственности, равно как и утверждение, что возможно материальное производство в обществе без эксплуатации трудящихся.

Заблуждение второе: если творец теории гений, то и возражать ему, так сказать, нельзя. Гений-то он гений, но он гений XIX века, а на дворе XXI...

Заблуждение третье: необходим, мол, научный подход в разработке новой доктрины коммунизма, его экономической модели. Оно рассыпается в прах, так как трудно назвать хотя бы двух-трех современных ученых-экономистов, кормящихся за счет рынка, которым это можно было бы доверить.

Заблуждение четвертое: без конкуренции, безработицы, кризисов никак нельзя – они-де являются стимулом роста производства, улучшения качества продукции; в конечном счете – производительности труда; плановая экономика совершенно неприемлема, только рынок и ничего более. Ерунда! Качество сейчас диктуется или конъюнктурными соображениями, или «придерживается» до последующих модернизаций. Производительность труда как бы отошла на задний план, на переднем плане – сокращение издержек. Плановая экономика была, есть и будет.

Заблуждение пятое. Народ, мол, сам все понимал, понимает и будет понимать. Никогда *всего* никто не понимает, так как сознанием людей манипулируют. Вообще-то, сколько людей – столько и мнений. И дело вовсе не в том, что надо идти в ногу и стройными рядами, – людей надо учить понимать действительность. Хотя это очень деликатный вопрос, но чем раньше начать народу говорить правду, тем лучше.

В начале мая 1919 года Ленин принял анархиста князя Кропоткина (между прочим – Рюриковича). Тогда страна переживала отчаянный период. Надвигался голод.

– Что же является главной опасностью текущего исторического момента? – спросил Кропоткин. – Угроза интервенции, свержение Советской власти, голод, разруха?

– Это серьезные трудности, – согласился Ленин с князем. И продолжил: – Но мы с ними справимся, и вы скоро убедитесь в этом. Не они главные.

Петр Алексеевич неожиданно для себя услышал, что есть проблема поважнее – как переделать то, что в человеческом черепе.

Речь шла о том, как человека-индивидуалиста преобразовать в коллективиста. А ведь это было тогда, когда идеи равенства импонировали народу. Опорой революционного правительства стали фабрично-заводские рабочие, бывшие крестьяне, объединившие вокруг себя многомиллионные слои тех, кому нечего было терять, кроме своих цепей. Но Ленину не удалось предвидеть, что станется с людьми, когда они заживут лучше. Современный человек горой за частную собственность, своего не отдаст, за доллары отца родного продаст. Сейчас мало кто захочет взглянуть на наше ближайшее прошлое (когда мы жили относительно достойно) хотя бы из чистого любопытства, не отдавая предпочтения никакой априорной доктрине, не становясь на позиции какой-либо социальной категории людей, не выдвигая никаких программ избавления людей от зла коммунизма или построения некоего «подлинного социализма с человеческим лицом». Современному человеку это просто *не надо*.

Заблуждение шестое. Ничего не надо предпринимать – все само собой «устаканится». Самое гнилое заблуждение. Необходимо давать по ушам недобросовестным, конъюнктурщикам-доброжелателям, всяким борцам за «правду», оплачиваемую подачками из-за бугра. В народе говорят: плохое быстро забывается. Утверждение такое связано с житейскими отношениями. Сложнее обстоят дела в общественной жизни, особенно если в ней живучи неверные оценки крупных событий, явлений прошлого. Тут забывчивость приведет к тому, что в будущих энциклопедиях и учебниках истории будут описаны события, далекие от исторической реальности.

Заблуждение седьмое – полное отрицание идеи коммунизма. Если рассматривать его абстрактно, то он – ни благо и ни зло, так как в нашей стране возник закономерно. Приписывать ему только то, чем он должен был быть согласно политической демагогии, или, наоборот, понимать его только как объективно существовавший факт, на который одни смотрят глазами пострадавших, а другие – выгадавших, значит, не быть в ладах с диалектикой и объективностью. Независимо от того, насколько правы были марксисты.

Благодаря Октябрю, пока существовал Советский Союз, все угнетенные народы мира имели наглядный пример, как им обустроить свою жизнь, а капиталисты мало-помалу вынуждены были отпускать вожжи («дабы и у нас такого, как у них, тоже не случилось»), пока не дошли до пресловутых «демократических» свобод с пособиями наркоманам и нежелающим работать.

Главное – мы потеряли общество социальной справедливости. Хотя каждый знает, что абсолютной справедливости в мире просто нет. Ее и быть не может: один умный, красивый и здоровый, а другой – ленивый, да еще и кривой.

Являются, к тому же, и относительными сами критерии оценки явлений, как справедливых, так и несправедливых. Поэтому правильнее говорить о том, как нормы справедливости реализуются *в тенденции*. С тенденцией в СССР все было в порядке.

Утверждение, что при коммунизме общий жизненный уровень был *гораздо* ниже, чем в обществах другого типа, не совсем верно. Если при сравнении с западным обществом принимать во внимание ряд специфических факторов – гарантированный оплачиваемый отпуск, оплату времени болезни, бесплатное медицинское обслуживание, пенсии по старости и инвалидности, дешевое жилье, практически бесплатные детские сады, образование, обучение профессиям и др., то можно и поспорить. Основные жизненно важные потребности советских граждан так или иначе удовлетворялись. Действительно, работающие граждане у нас получали меньше, чем представители соответствующих профессий «там». Но и трудились они меньше. Степень эксплуатации есть отношение вознаграждения за труд к трудовым усилиям, затрачиваемым при этом. При коммунизме степень эксплуатации ниже. И следствием этого является и более низкий жизненный уровень.

В брежневский период общий жизненный уровень в Советском Союзе был самым высоким за всю историю России. А в некоторых районах (например, в Грузии) он был выше, чем в западных странах.

В стране никто (за редким исключением) не думал ни о каком возврате к капитализму. Даже жулики не помышляли об этом, поскольку имели возможность жить нечестным путем именно в условиях советского общества.

Итак, с коммунизмом не все ясно. Если мы скажем, что знаем подлинную историю нашей страны, то мы, конечно, скажем неправду. В России нет истории, а есть некие легенды, мифы, в которых история постоянно искажается в угоду то одному, то другому режиму. Историю перевирали и переписывали, как хотели, исходя из сиюминутной конъюнктуры, имея социальный заказ. В нашем случае идет неприкрытое искажение нашего революционного прошлого. Не пощадили даже декабристов.

Глава 2

Декабристы и революционные демократы, которые были

С дерзкой фантазией неутомимый Александр Бушков в очередной серии «России, которой не было» с подзаголовком «Блеск и кровь гвардейского столетия», покопавшись в архивах и найдя несколько ответов на чисто бытовые загадки того периода, в одночасье лишил декабристов исторического ореола мучеников. «Восстановив» таким образом историческую правду, сей популяризатор отечественной истории добавил к характеристике Ленина («узок круг был этих революционеров и страшно далеки они были от народа») несколько словечек из современного русского языка: паханы и т. п. Этим самым он добился своей цели – свел на нет цепочку: Пушкин – Одоевский – «из искры возгорится пламя» – ленинская «Искра».

Отказываясь присягать императору Николаю I, 14 декабря 1825 года часть войск Санкт-Петербургского гарнизона подняла мятеж. Офицеры-заговорщики воспользовались невежеством своих солдат и их привычкой к повиновению и подняли восстание против самодержавия и крепостничества.

Все, без исключения, заговорщики являлись членами тайных обществ. Завершившаяся победой война с Наполеоном, как это ни парадоксально, пошатнула царский режим: молодые впечатлительные русские офицеры столкнулись с развитой и неизмеримо более свободной, нежели в России, культурой Запада.

Спустя более сотни лет после победы Советской армии в 1945 году, советское правительство делало все возможное, чтобы оградить страну от проникновения западных идей и изолировать от общества тех, кто был готов к восприятию этих идей.

А тогда русские офицеры не могли не обратить внимание на то, что, несмотря на поражение, во Франции не прекращалась культурная и общественная деятельность. Для России же было характерно крепостничество, попрание индивидуальных прав и свобод.

Первое тайное общество в России появилось в 1816 году.

Оно было построено по типу масонских лож, в то время весьма активизировавших свою деятельность в стране.

За девять лет своего существования это общество неоднократно преобразовывалось и меняло название. В конечном счете оно разделилось на два общества: Северное, с центром в Санкт-Петербурге, и Южное – на базе Тульчинской управы, с центром в войсках 2-й армии на Украине. Северное общество склонялось к идее конституционной монархии с ограничением привилегий. Членам Южного общества, придерживающимся более радикальных взглядов, был ближе пример якобинцев времен Великой французской революции.

Радикальная философия Южного общества базировалась на идеях одного человека, полковника Павла Ивановича Пестеля.

Немец по происхождению, лютеранин по вероисповеданию, Пестель был ярким русским националистом, сторонником централизованного государства. Пестель был как бы прообразом некоторых большевистских лидеров. Отличался от них только тем, что готов был рассматривать православие в качестве государственной религии, да евреев хотел выдворить из России, а Польшу превратить в государство-сателлит. Некоторые идеи Пестеля явно опережали время и производили ошеломляющее впечатление. Он намеревался уничтожить крепостничество и покончить с классовыми различиями, связанными с происхождением.

Считал, что должна быть проведена национализация земель, и давал гарантию, что каждый гражданин сможет получить в пользование земельный надел, достаточный для поддержания семьи. Мало того – предвидел период диктатуры (чем не пророк?) до наступления в России реальной демократии.

Пестель был ярким противником самодержавия и твердо придерживался мнения о необходимости не только полного уничтожения института самодержавия, но и физического истребления действующего императора, всех претендентов на трон и всего царствующего дома. Болезненно-обостренное чувство насилия, развитое в Пестеле как в политическом мыслителе и теоретике, будет характерно для развивающегося революционного движения в России. О том, почему мятеж 14 декабря 1825 года продолжался всего один день и был легко подавлен, написано достаточно много. Но нас больше интересует то, как восстание декабристов и его подавление сказались на тридцатилетнем царствовании нового царя Николая I, присягать которому мятежники отказались. А все это послужило началом новой эры политических беспромиссных противостояний в России. Казнь и ссылка революционеров-дворян развеяла миф о XVIII веке как эпохе российского просвещенного абсолютизма. Царизм начал преобразовывать Россию в полицейское государство. Нововведением явилось создание Третьего отделения Имперской канцелярии – прототипа печально известных учреждений, процветавших в России (и в период самодержавия, и в советские времена) и дошедших до наших дней. Охранка, ВЧК, КГБ разделяли с Третьим отделением грандиозную моралистическую концепцию охраны государства; прозаичные функции обычной полиции не шли ни в какое сравнение с деятельностью этих организаций.

Третье отделение должно было заниматься крупномасштабным политическим шпионажем, доносительством и пресекать в корне любую подрывную деятельность, чтобы (как это произошло 14 декабря) она не могла перерасти в государственную измену. Поскольку прежние административные органы проявили преступную небрежность, тайной полиции следовало действовать в обход обычных каналов, ее шеф становился доверенным лицом монарха и одним из наиболее высокопоставленных имперских сановников. Вскоре функции Третьего отделения были значительно расширены и включали решение таких, казалось бы, не связанных с его деятельностью вопросов, как политика в области культуры, статистика и т. п. Это очень показательно. И при Сталине секретная служба, занимая иерархическое место непосредственно за ним, так же «вникала» во все дела. Например, не только охраняла государственные архивы, но и создавала их в каком-то смысле по указке вождя.

Третье отделение заложило основы будущей системы российских спецслужб с их своеобразным подходом к таким понятиям, как государственная измена и подрывная деятельность в отношении государства. Многие государства, имеющие тайную полицию, к услугам агентов-провокаторов, конечно же, прибегают. Однако Россия была первым государством, где под действия спецслужб подводилась философская база. Логика была такая. Как зло является составляющей каждого человека, так и в обществе всегда зреет потенциальная измена; она может быть обнаружена и в литературной критике, и в исторических трудах, и в живописном полотне, на первый взгляд абсолютно безобидном.

Поэтому спецслужбы должны не просто предотвращать или карать явные действия, направленные на подрыв государства, но раскрывать неосуществленные преступления и сурово наказывать за возможность их совершения. Позже агенты спецслужб не только проникли в секретные организации, но и провоцировали членов их на противоправные действия. При таком подходе к делу всякого рода «органам» безработица никогда не грозит.

Со временем и революционное движение приобрело психологическое сходство со своими преследователями: дух инквизиторства, постоянный поиск «изменников» и уважение к законным нормам и правилам.

Посеянные Николаем I на русской почве семена тоталитаризма наиболее явно проявились в культурной сфере. До 1825 года основным источником тревоги являлись приходящие с Запада политические идеи, подвергавшиеся жестоким гонениям со стороны правящего режима. Французская революция положила конец идеям просвещения, с которыми носилось русское самодержавие. В 1815 году был сделан очередной шаг к реакционной политике, сим-

волом которой стал Священный союз, созданный по инициативе русского самодержца Александра I. Восстание декабристов заставило правительство осознать важность идей, как философских, так и политических, высказываемых представителями писательского люда. Теперь журналистика и литература подвергались особенно пристальному изучению. Под строжайшую цензуру попал Пушкин. Величайшему поэту России, связанному узами дружбы с декабристами, словно школьнику, пришлось выносить оскорбительное обращение, выслушивать то похвалу, то ругань в адрес своих произведений. Власть старалась подкупить литераторов и журналистов. Возникла новая популяция журналистов, так называемая продажная «желтая» пресса, оплачиваемая правительством.

Зарождавшаяся тогда русская культура формировалась в атмосфере крайней подозрительности. Попытка применения государством репрессивных мер при формировании культурной ткани России спровоцировала неизбежное: когда в основе этой ткани были искусственно удалены отдельные нити, русская литература активно включилась в решение политических и социальных вопросов, а высокопрофессиональная критика превратилась в один из основных способов революционной пропаганды.

Официальное преследование часто превращало рядовых мыслителей в «борцов за свободу», а очередную новость – в важнейшее событие в культурной жизни. Например, именно такой была судьба «Философских писем» Петра Яковлевича Чаадаева, взгляды которого сложились под влиянием идей католического провиденциализма и социального христианства. Сомнительное творение отставного офицера, не владевшего в достаточной мере русским языком, сыграло злую шутку с режимом: подвергнув критике «Философские письма» как работу сумасшедшего, власти только подлили масла в огонь.

Но было и иное. Известный критик Виссарион Григорьевич Белинский, проникшийся материализмом немецкого мудреца Фейербаха, выдвинул тезис о социальной направленности искусства. А Михаил Александрович Бакунин и Александр Иванович Герцен уже становятся у истоков русского научного социализма. Свои радикальные идеи они высказывали в салонах Санкт-Петербурга и Москвы, выступали с ними на европейской сцене, тем самым заложив начало революционной борьбы на родине. Наследие Бакунина является в основном частью западного анархизма. В России Бакунин имел не много последователей. Его жизнь была воплощением идеала радикализма, примером настоящей революционной деятельности. А Герцена с полным правом можно считать основателем народничества – специфической русской версии социализма. Он ратовал за развитие русских общинных начал, сочетая это с критикой буржуазного, «мещанского» Запада. Герцену очень симпатизировал столп русского консерватизма Константин Николаевич Леонтьев. И Герцен, и Леонтьев считали самым большим злом буржуазную западную демократию, которая опошляет человека. Герцен был близок к идеологам славянофильства, которые брали под защиту общину и артель, считая их залогом сохранения русской самобытности.

Социалистичность общины Герцену виделась в ее самоуправлении. В ней русские люди живут некоторым демократизмом (народоправство схода) и даже коммунизмом. Последний заключается в общем владении землей, которое Герцен считал зародышем коллективной общественной собственности.

Между последними годами правления Николая I и началом царствования Александра II лежит период наибольшей активности Николая Гавриловича Чернышевского, который, по словам американского историка Адама Улама, ни много ни мало, стоит у истоков большевизма. Книга Чернышевского «Что делать?» известна многим. Молодые радикалы запоем читали появившийся в начале 1860-х годов роман. Даже спустя десять-двадцать лет, когда уже удалось объяснить все туманные намеки, коими изобилует роман, читатели все еще поддавались под его очарование. В романе просматривается влияние социальной среды, глубоко отличной от той, к которой принадлежали Герцен и Бакунин. Чернышевский был сыном православного священ-

ника. В этой среде духовный сан был фактически наследственным. Условия жизни рядового духовенства, которое не могло рассчитывать на высокое положение, не сильно отличались от условий жизни прихожан (основную часть их в XIX веке в России составляли крестьяне). С той лишь разницей, что священники должны были быть хотя бы минимально образованными людьми. Эта смесь бедности и образованности создавала основу для зарождения радикальной *революционной интеллигенции*.

Период с 1861 по 1881 год совпал с наибольшей революционной активностью; просвещенные классы были буквально пропитаны идеями социализма и революции. Лихорадкой было охвачено не только студенчество и молодая интеллигенция, но и часть бюрократического аппарата и офицерства. На эти же годы приходится усиление реакции и русского шовинизма. Это был непростой исторический период, когда произошло разделение общества на два лагеря: реакционный и революционный. Освобождение крестьян – всего лишь одно из значительных событий, произошедших в общественной и экономической жизни России XIX века. В этот период была заложена основа местного и регионального самоуправления. На фоне отставания большинства институтов государства шагнули далеко вперед реформы в системе судебных органов. Военные реформы избавили солдат от векового ужаса перед бесконечной службой. Эти фундаментальные реформы возбудили аппетит либеральных слоев общества. Стали раздаваться голоса (чаще всего представителей привилегированных классов) о необходимости учреждения народного собрания; в адресованных царю прошениях говорилось о необходимости ослабления или отмены цензуры, об отказе от произвола власти, налагающей взыскания без суда и следствия. Но решительный шаг к конституционализму сделан не был. Объясняется это не только сопротивлением режима, а главным образом невероятной активизацией революционного движения. Таким образом, сама революция нанесла реформам полное поражение и усилила реакцию в стране.

Глава 3

О роли личности Николая II в истории февральской революции

Люди, интересующиеся отечественной историей, наверняка задают себе вопрос: что произошло бы с Россией, если бы во главе ее в начале XX века стоял не Николай II, а другой, более решительный и способный к управлению государством монарх? Такое могло произойти. Известно, что отец Николая, Александр III, очень не хотел, чтобы царем стал его старший сын, предпочтение отдавал младшему – Михаилу, хотя был еще Георгий – следующий по старшинству из четырех сыновей. Но он болел туберкулезом и скончался в 1899 году. К 1894 году, когда умер император Александр III, он был еще цесаревичем. Скорее всего, на трон Георгий не сел бы. К тому времени он безвылазно находился на Кавказе. Врачи категорически запрещали ему жить в сыром и холодном Петербурге.

Михаил был любимцем родителей. Характер имел добрый, покладистый. Мог бы ужиться со всеми министрами, которых его брат Николай, став императором, лишь терпел и от которых избавлялся при первой же возможности. Но Михаил был еще молод, и Александр III, не веривший в способность Николая править страной, взял с него слово, что тот откажется от трона в пользу Михаила, когда тот подрастет. Но Николай II отказался от своего обещания отцу. Россия получила безвольного и не очень умного монарха. Николай Александрович Романов, тогда еще не царь, а наследник престола, едва не стал жертвой покушения во время путешествия по Японии. По настоянию родителей цесаревич Николай в конце 1890 года отправился в морской поход на Дальний Восток на борту броненосного крейсера «Память Азова». Вместе с ним в поисках восточной экзотики отплыли родной брат Георгий и двоюродный брат – греческий принц Георг. Августейшие путешественники посетили Египет, Индию, французский Индокитай. И даже приняли участие в охоте на слонов и тигров в индийских джунглях. Особенно Николаю понравилось в Японии. Там, в Нагасаки, он с греческим кузеном посетил заведение, которое в наше время носит название «Салон тату». Не удержался и попросил сделать на правой руке шикарную цветную татуировку дракона, чем весьма удивил сопровождавших их японцев.

В то время в Японии с помощью татуировок клеймили преступников, а добровольно их делали только представители местных преступных кланов. Кузены этим не ограничились и оказались в ресторане «Волга», часто посещаемом русскими моряками. Не обошлось и без девушек в номерах. Вернулись они на борт крейсера лишь в четыре часа утра. А потом произошло чрезвычайное происшествие. Посетив Киото, где Николая и его спутников встретили по высшему разряду, путешественники отправились на рикшах в город Оцу, расположенный на берегу озера Бива. После созерцания живописных пейзажей Николай уселся в повозку мощностью в одну человеческую силу. Кorteж путешественников растянулся на несколько сотен метров. Поскольку охранникам, сопровождавшим их, по японскому этикету запрещалось поворачиваться спиной к царственным особам, они проворонили фанатика, который нанес Николаю два удара мечом – катана. Раны оказались неопасными. Ему не суждено было погибнуть от руки японского самурая. Николаю II на роду было написано процарствовать 23 года и закончить свою жизнь в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге.

Николай II оказался однолюбом. Будущий император в Виндздорском замке встретил Алису из великого герцогства Гессен-Дармштадта и влюбился в нее. Английская королева Виктория весьма благосклонно отнеслась к зарождавшимся чувствам своей любимой внучки и молодого наследника российского престола. Но царь Александр III, зная, что гемофилия (несворачиваемость крови) из поколения в поколение поражала членов гессенского дома,

решительно воспротивился планам этого брачного союза. Но любовь победила, и царь вынужден был уступить. При православном крещении Алиса приняла имя Александры Федоровны.

Несмотря на взаимную любовь коронованной четы, брак не стал очень счастливым – очаровательная Алиса стала причиной будущих бедствий. Веселой и радостной принцессе суждено было стать на Русской земле мрачной царицей и фанатичной приверженкой православной церкви. Вместе со склонностью к мистицизму она унаследовала от своей матери способность передавать наследникам по мужской линии гемофилию. Поначалу она родила четырех дочерей, что подорвало ее здоровье, но никак не могла родить наследника престола.

Случилось так, что безвольный царь попал под влияние своей жены. «Я не верю никому, кроме своей жены», – признавался он другу детства князю Александру. Такое преклонение перед женой имело свои причины. В первые же дни стало проявляться соперничество молодой русской императрицы с овдовевшей императрицей Марией Федоровной. Желая облегчить горе овдовевшей матери, Николай в первые месяцы после смерти отца значительную часть времени уделял ей. Этому способствовало то, что после бракосочетания молодые жили в Аничковом дворце, хозяйкой которого оставалась вдовствующая императрица. У молодых не было даже своей столовой, поэтому кормились они у Марии Федоровны. Александра (Алиса) воспринимала это как ущемление своего законного главенства.

Жена усопшего монарха, пользовавшегося большим авторитетом подавляющей части российского общества, заслуживала большего почитания, чем молодая императрица, еще едва говорившая по-русски. Да и по официальному протоколу русского двора вдовствующая императрица имела преимущество перед молодой царицей. При всяких церемониях Мария Федоровна должна была идти впереди, опираясь на руку сына, а молодая государыня – сзади, с одним из великих князей. С этим следовало смиряться, не показывая своего недовольства. К церемониям можно было привыкнуть, гораздо труднее Александре было переносить реальное влияние на царя его матери. В первые годы царствования Николая II Мария Федоровна часто замечала затруднения своего сына, давала ему советы. Да и сам он обращался к ней с вопросами, как бы на его месте поступил его отец в той или иной ситуации. Материнские наставления императору раздражали молодую царицу, ей казалось, что свекровь обращается с мужем как со школьником. В борьбе за влияние на императора победила жена. Этой победой утвердилось то значительное влияние Александры на мужа, которое со временем стало одним из важных мотивов критики царской власти со стороны всех оппозиционных сил.

Страстное желание родить сына побудило царицу постоянно искать помощи у шарлатанов, авантюристов и «чудотворцев». Лишь после десяти лет супружеской жизни царица родила сына. Но наследник престола Алексей, увы, был подвержен гемофилии, болезни страшной и неизлечимой. Любая рана вызывала у мальчика кровотечение, которое долго не останавливалось. Царица, убежденная, что вера способна помочь горю, была одержима идеей найти святого человека, который молился бы за нее и за ее сына. И тут подвернулся Распутин. Все слухи о моральной распущенности «старца» отвергались как клеветнические, а он, зная, что кровотечение часто прекращается само собой, появлялся у постели больного мальчика всегда вовремя, и ему удавалось «остановить» кровотечение. Григорий Распутин стал для царицы рукой Провидения. Через царицу Распутин влиял на царя и добился многого, преследуя какие-то свои цели. В Петербурге вокруг Распутина сложился кружок влиятельных лиц. В нем были редактор газеты «Россия» Г. П. Сазонов, графиня Игнатьева, великая княгиня Милица Николаевна, фрейлина императрицы Анна Вырубова. Этот первоначально узкий круг людей, позже значительно расширившийся, являлся «тайной властью императора, или конспиративной партией императрицы», которая подбирала кандидатуры членов кабинета министров.

Сам император с большим трудом «отбивался» от дядей – четырех братьев отца. Все они были, одни более, другие менее, старше его и, занимая высокие посты в государстве, считали своей священной обязанностью наставлять малоопытного государя. Но вместе с наставлени-

ями они постоянно что-нибудь требовали от него. Каждый из них имел своих любимцев из генералов и адмиралов, которых они хотели повышать в чине и должности вне очереди, а своих балерин, жаждавших устроить себе «русский сезон» в Париже, облагодетельствовать. Николай буквально боялся оставаться в своем кабинете с ними наедине, в этом случае они почти всегда что-нибудь «урывали» у него.

Не без влияния Распутина был сменен Верховный главнокомандующий князь Николай (дядя царя). Без сомнения, это стало ключевым моментом в кризисе верхов в годы Первой мировой войны, что положило начало последнему этапу разложения русской монархии – так называемой «министерской чехарде». Суть ее состояла не столько в частой смене министров, сколько в их качественной замене. Прежних сановников, так или иначе противившихся воле проходимца, заменяли откровенными ставленниками «старца». Как и при каждой революции, канун русской ознаменовался тем, что государственная власть была развращена стремлением к личной выгоде, беспринципным карьеризмом, открытым цинизмом и пренебрежением к нуждам народа.

Редким исключением был Петр Аркадьевич Столыпин, который предпринимал попытки предотвратить революционные выступления путем реформирования порядков в стране. Он пытался создать в политическом плане какую-то связь между царем, правительством, обществом и представительными институтами. Но царь был далек от понимания этого и мало в чем ему помогал.

Но так как он затмевал своей решительностью безвольного царя, то оказался ему ненужным, как и многие другие, менее значимые государственные деятели, назначаемые и снимаемые с должностей царем по указке Распутина. Столыпин был убит левыми террористами при явном попустительстве охранки.

Раздраженный создавшейся обстановкой в стране и все больше поддающийся влиянию жены, Николай II стал совершать труднообъяснимые поступки.

Узнав, что в Лондоне король и палата представителей устроили прием в честь председателя ненавистной ему Думы, он стал размышлять, не стоит ли ему в качестве ответной меры принять ирландскую делегацию террористов из партии Шин феин (шинфейнеры – члены ирландской политической организации, возглавившей национально-освободительную борьбу против английского господства). По разумению Николая II, виноватыми были все. Царь совершенно не ориентировался в ситуации.

Благодаря Думе политика стала доступна выборным представителям всех граждан. Но как раз об этом Николай II не желал и слышать. И это при том, что Четвертая Дума, избранная в 1912 году на пять лет, была намного более консервативной, чем предыдущие. Если в Первой Думе заседало 190 крестьян, то в этой подавляющее число депутатов были дворянами и 48 – священниками. Правое, левое крыло и центр находились примерно в равном соотношении, но при этом следует учитывать, что левые были в основном представлены кадетами. Крайне левые, сила которых проявилась во время забастовок 1905 года и позже – в 1912 и 1913 годах, получили право только на 15 депутатских мест.

В деревнях тяжело восприняли роспуск Первой и Второй Думы: крестьяне возлагали все свои надежды на предложения, направленные царю, а Николай II распустил собрания представителей, поддерживавших их просьбы и требования. «Кровавое воскресенье» разорвало священную связь царя с народом... Быстрому созреванию революции способствовало ощущение того, что в верхах «завелась гниль». А для такого государства, как Россия, где вся легитимность власти стоит на авторитете, эта болезнь была смертельной.

Конкретная историческая особенность положения России заключалась в том, что во время правления Николая II российская монархия окончательно выродилась, деградировала. О том, каков был царь по своему психологическому и мировоззренческому складу, что происходило в царской фамилии и во всей «придворной камарилье», сейчас опубликовано доста-

точно. Из многих источников явствует, в настроениях высших кругов при дворе господствовали суеверия, мистицизм, антиинтеллектуальные течения.

И как было не случиться революции, если самым богатым помещиком и собственником в России был царь. При назначении Столыпина премьером встал вопрос о том, где жить главному министру страны. Весной 1907 года Николай II предложил Столыпину перебраться в один из пустующих (!) дворцов царской семьи на Елагином острове – это очаровательный большой белый дворец со стройными колоннами, высокими вековыми деревьями в саду, многочисленными флигелями, лужайками и конюшнями.

Участвуя в убийстве Распутина в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года, князь Юсупов предполагал, что разыгрывается первое действие «возрождения» России.

Избавившись от старца, царь услышит, мол, голос народа, то есть Думы, соберется с силами, выиграет войну и возродит страну. На самом деле «возрождение» выразилось в революции, самой тотальной из всех, когда-либо имевших место.

Буржуазные масонские круги, земские деятели, военное командование, предчувствуя приближающуюся революцию, в самый разгар войны подготавливают выступление против Николая II как бездарного царя. Создаются различные общества, которые под видом оказания помощи правительству в спасении России постепенно берут в свои руки управление всеми делами страны. Ощущается нехватка продовольствия.

В феврале 1917 года для свержения царизма понадобилось пять дней. Все началось с того, что в Петрограде к середине сентября почти не осталось муки. Командующий военным округом генерал Хабалов решил ввести продовольственные карточки. Сведения об этом дошли до толпы, и на другой день у булочных выстроились очереди, а затем и у всех продовольственных лавок. Опустошенные за несколько часов, некоторые из них закрылись. Люди собирались толпами, били витрины. Беспорядки продолжались и в последующие дни, они происходили обычно после многочасовых ожиданий на морозе, после того, как толпа слышала неизбежное «ничего нет».

14 февраля Дума собралась на сессию, и несколько депутатов назвали в своих выступлениях министров «неспособными». Они призвали их уйти со своих постов, говоря, что во Франции народ в свое время сумел «смести трон». Однако новый председатель Совета министров князь Голицин и его министры вынудили депутатов произносить свои речи в пустое пространство: они не явились в Думу, демонстрируя свое презрение к ней.

Предчувствуя бурю, левые депутаты пытались установить связь с нелегальными организациями.

В доме Максима Горького собрались для переговоров депутаты, в частности Керенский и большевик Шляпников, однако прийти к единому соглашению они не смогли: одни верили в революционное движение, другие – нет, и все ограничилось перебранкой между «оборонцами» и «интернационалистами». В это время социалистические партии и профессиональные союзы пытались организовать демонстрацию 23 февраля, в так называемый «день рабочих». Однако к соглашению прийти не сумели. И тогда решили выступить самостоятельно женщины.

Утром 23 февраля, когда работницы и некоторые присоединившиеся к ним рабочие строились в ряды, революционные организации обратились с призывом ко всем принять участие в демонстрации. В этот первый день женская демонстрация пополнилась рабочими, которых уволила дирекция Путиловского завода. За ними вскоре последовали тысячи других трудящихся. Опасаясь беспорядков в центре города, власти распорядились закрыть конторы и магазины. Это было ошибкой: служащим предложили не выходить на работу, и они отправились посмотреть на демонстрацию, и многие присоединились к ней. Впервые в истории России рабочий класс вылез на свет божий из своего гетто, а другие социальные слои проявили к нему симпатию. Настроение в городе было довольно веселое. Казалось, что это праздничный день.

Трамваи остановились, разъезжали казачьи патрули, которых приветствовала толпа. Всех поражала пассивность полиции.

На второй день, 24 февраля, снова основную роль играли работницы: они поставили перед собой задачу пройти по Невскому проспекту и привлечь к себе как можно больше внимания. В 8 часов утра к работницам присоединились рабочие, и все вместе двинулись с окраин города к центру. Однако на этот раз полиция оказалась на месте, пытаясь помешать демонстрантам пересечь мосты на Неве. Тогда демонстранты пересекли Неву по льду и выстроились в ряды на другом берегу реки. Во главе колонны несли красные флаги, демонстранты распевали «Марсельезу».

В конце Невского, на Знаменской площади, в огромной толпе уже раздавались крики: «Да здравствует Республика!» Казаки гарцевали на конях, толпа их приветствовала. Затем появилась конная полиция с криками «Разойдись!». Раздались выстрелы, демонстранты стали разбегаться, однако полиция, не имевшая на то указаний, их не преследовала. Поражало отношение к демонстрантам казаков.

На третий день, 25 февраля, основными организаторами забастовок и демонстраций стали большевики. Военный министр Беляев снова отдал распоряжение помешать демонстрантам пересечь Неву, однако стрелять не разрешалось «из-за неблагоприятного впечатления на союзников», но предписывалось заранее взломать на реке лед. Однако генерал Хабалов не отдал никаких указаний, и, так же, как накануне, люди с окраин смогли прорваться в центр города. На Знаменской площади произошел случай, то ли закономерный, то ли знаковый, но повернувший колесо истории: когда один из ораторов произносил перед манифестантами речь, появилась конная полиция. Полицейские намеревались разогнать демонстрантов, но никто со своих мест не двинулся. Один из полицейских прицелился в оратора, толпа закричала. В это время из снежного облака возник казак и сразил блюстителя порядка саблей. Толпа остолбенела от удивления.

Вечером в Совете министров происходила бурная дискуссия. Министр внутренних дел был вне себя от того, что Председатель Совета Министров в его отсутствие встречался с председателем Думы Родзянко. Он кричал: «Я прикажу арестовать вашего Родзянко и распущу Думу!» Это заседание оказалось особенно примечательным после того, как на него прибыл генерал Хабалов и зачитал полученную телеграмму царя: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай».

Четвертый день выпал на воскресенье. Петроградцы встали позже обычного. Выйдя из дому, они обнаружили солдат на боевых постах. Генерал Хабалов, считая, что с революцией уже покончено, послал телеграмму императору: «Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно». А в полдень окраины пришли в движение, и в центре население вышло на улицу.

Солдаты сооружали заграждения на мостовой, вели наблюдения за тротуарами; приказы отдавали издали звуками горна. Однако люди подходили к солдатам, вели с ними мирные беседы, и солдаты отвечали им тем же. Офицеры неоднократно отдавали распоряжения прекратить переговоры с толпой. Командование нервничало, чувствуя, что теряет авторитет.

Пятый день, 27 февраля. Возмущенные приказом стрелять в толпу, полученным накануне, солдаты перехватили инициативу у рабочих. Они заперли в казармы своих офицеров, кое-кого из них расстреляли и присоединились к демонстрантам. Пристроившись к колонне рабочих, они вместе направились к Таврическому дворцу, где заседала Дума. Революция победила. Унтер-офицеры ведут солдат к Зимнему дворцу. Часовые их приветствуют. Медленно ползет вниз императорский флаг, и тут же над дворцом взмывает красное полотнище.

Спросить бы у господ «демократов»: почему вы отменили Красное знамя, поднятое народом в Феврале, и почему вы упразднили Советы, установленные буржуазной революцией в России в 1917 году? Тенденциозное отрицание Октября, равно как и замалчивание Февраля, — одного поля ягоды.

Нас хотят отбросить не только в дооктябрьский период, не только в дофевральский период, а просто – в средневековье.

Николай II, спасаясь в Ставке в Могилеве от столичных хлопот и ненавистных министров, в злополучный день 23 февраля ничего не знал о том, что произошло в Петербурге. Он писал вздыхательные письма жене. На второй день событий он по-прежнему ничего не знал о демонстрациях и узнал о них лишь тогда, когда царица ему об этом написала. Но потом Ставка и царь были официально извещены о беспорядках в Петрограде.

Хабалов направил генералу М.В. Алексееву, начальнику штаба Верховного главнокомандующего (по некоторым источникам – масону и причастному к заговору против царя еще в 1915 году), подробное сообщение о первых днях мятежа, а министр внутренних дел Протопопов дал телеграмму дворцовому коменданту Воейкову, который обычно ездил вместе с царем и находился с ним в одном вагоне, о том, что события носят хаотический характер и что «принимаются решительные меры для подавления беспорядков». Генеральный штаб и царь реагировали на сообщения аналогичным образом: первый отдал распоряжение командующему Северным фронтом сделать все возможное для ускорения прибытия надежных войск. А царь направил телеграфом Хабалову приказ, который мы приводили, – «завтра же прекратить в столице беспорядки».

А когда события стали приобретать угрожающий оборот, император принял решение о подавлении мятежа. Он наделяет генерала Иванова неограниченными полномочиями и объявляет о своем отъезде в Царское Село. Ничего из этого не получилось. Генерал Иванов не сумел добраться до столицы. И царь не доехал до Царского Села – железнодорожники перерезали ему путь, так же, как и Иванову. Пришлось царю вернуться в Псков, где он узнал, что армия и правительство требуют от него отречься от престола.

Глава 4 «Есть такая партия!»

2 марта, в день отречения царя, в результате переговоров Временного комитета Думы с Исполкомом Петроградского совета было создано Временное правительство. Великий князь Михаил, к которому перешла корона, также отрекся от престола в пользу Временного правительства.

Временное правительство соединило в своем лице законодательную и исполнительную власть, заменив царя, Госсовет, Думу и Совет Министров и подчинив себе высшие учреждения (Сенат и Синод). Оно считало себя преемником монархического государства и стремилось сохранить старый государственный аппарат. Однако на волне демократизации в состав ведомств и учреждений включались представители Советов, профсоюзов и других общественных организаций.

Овладеть ситуацией Временное правительство не смогло и переживало все более тяжелые и длительные правительственные кризисы. Временное правительство не было действенным. Тактикой его было не разрешение проблем, а оттяжка вопросов до созыва Учредительного собрания. *Либерализация* по всем направлениям и «двоевластие» усугубляли ситуацию.

И вдруг 3 июля – расстрел демонстрации, шедшей под советскими лозунгами. 3 июля нарушило неустойчивое равновесие сил между Временным правительством и Петроградским советом. Сформированный новый состав правительства стал сдвигаться вправо, его председатель Керенский (перешедший в партию эсеров) занял еще посты военного и морского министра; в третьем правительстве он был председателем и Верховным главнокомандующим.

Взяв курс на продолжение войны «до победного конца», Временное правительство столкнулось с созданными им самим трудностями: армия стала неуправляемой, началось массовое дезертирство. Чтобы загнать солдат в окопы, пришлось снова ввести военно-полевые суды. Это предельно озлобило солдат и ничего не дало для укрепления власти. После короткого периода общего ликования на «празднике революции» Временное правительство стало испытывать нарастающее отчуждение, а потом и сопротивление не только крестьян и рабочих, но и части имущих классов.

Противоречивость политики Временного правительства становилась вопиющей. Концы с концами не вязались ни в одном вопросе. Но главное – были отпущены вожжи.

Незрелость капитализма в России, которая оказалась препятствием к консолидации народа на основе «третьего сословия», как это было в западной части Европы, создала ряд специфических условий в формировании новых элит. Одной из таких элит оказалась руководящая верхушка рабочего движения.

В названии их партии (РСДРП) прослеживается влияние западноевропейских традиций. При численности аграрного и промышленного пролетариата, составлявшего менее одного процента населения России, первоначально партия имела в своих рядах не более 3000 членов. И то, что произошло с февраля по октябрь в России было нелогичным, неожиданным и единственным в своем роде. Причем большевикам удалось взять власть по той причине, что у них оказался Ленин.

Владимир Ильич Ульянов (псевдонимы: Ленин, В. Ильин, К. Тулин, Карпов и др.) родился в семье директора народных училищ Симбирской губернии. Теперь вполне точно по документам можно установить, что дед Ленина (по линии отца), Николай Васильевич Ульянов, был крепостным крестьянином деревни Андросово Сергачского уезда Нижегородской губернии. Отпущенный в 1791 году помещиком на оброк, этот, по-видимому, весьма вольнолюбивый человек спустился вниз по Волге до устья и не захотел возвращаться и в конце концов

стал «вольным» астраханским мещанином. Здесь, в Астрахани, он женился на молодой, восемнадцатью годами его моложе, девушке, которая – хотя точных документальных сведений об этом нет – была, по всей вероятности, крещеной калмычкой. Ее опекал астраханский иерей о. Николай Ливанов, который помог ее сыну Илье Ульянову, в пятилетнем возрасте оставшемуся без отца, получить гимназическое, а затем и университетское образование. В результате за два поколения совершился невероятный, но все же возможный для России «скачок» от беглого крепостного крестьянина до действительного статского советника.

В последнее время гораздо большее внимание привлекает материнская ветвь родословной Ленина. Отец его деда, то есть прадед Ленина, Давид Бланк, не только принял православие, но и отправил в 1848 году послание «на высочайшее имя», призывавшее создать такое положение, при котором все российские евреи откажутся от своей национальной религии.

Тогдашний министр внутренних дел Л. А. Перовский счел необходимым сообщить Николаю I о предложениях этого ленинского прадеда. Сын Давида, Израиль Бланк, еще за полвека до рождения своего внука (Ленина), в 1820 году, крестился с именем Александр Дмитриевич, окончил Императорскую медико-хирургическую академию, женился на дочери российского чиновника германского происхождения Ивана Федоровича Гросшопфа, потомственного дворянина. В 1847 году, выйдя в отставку, он купил имение в глубине России, в приволжской деревне Кокушкино, где и жила до своего замужества его дочь Мария – мать Ленина.

Отец Ленина, Илья Ильич, учился в Казани, в том числе и у Лобачевского, знаменитого математика. Здесь он в 1863 году женился на Марии Александровне Бланк. С 1874 года – директор народных училищ в Симбирской губернии, был «генералом» от образования с огромной для того времени зарплатой (5000 рублей годовых плюс дом, свечи, дрова, выезд и прислуга бесплатно). За счет этого будущий вождь и жил. Владимир был очень похож на отца. У обоих – небольшие, чуть косо поставленные темные глаза и выдающиеся скулы, свидетельствовавшие о том смешении русской и татарской или монгольской крови, что нередко встречалось в беспокойном регионе между Волгой и Уралом, где в недалеком прошлом зарождались крупные крестьянские и казачьи восстания. Володя был живым и одаренным ребенком и рано обнаружил примечательную способность к систематическим занятиям.

В семье Ульяновых было шестеро детей. Отец рано умер, и мать старалась дать детям разностороннее образование, как и покойный муж, она продолжала воспитывать детей трудолюбивыми, честными, скромными и чуткими. Но отсутствие отца сказалось на детях – они попали под влияние революционных идей. Старший брат Александр, который был для Володи примером для подражания, принимал участие в подготовке покушения на царя Александра III. Саша входил в небольшую террористическую группу в качестве специалиста по взрывчатым веществам и сочинил прокламацию, с которой хотел обратиться к народу. По чистой случайности заговор раскрыли. На квартире Александра была арестована его сестра Анна, зашедшая к брату, а потом и он сам. Александр взял на себя всю вину. Сын и преемник убитого царя Александра II, Александр III попал под влияние реакционного окружения и нетерпимо относился ко всякого рода свободам и заговорам. 8 мая 1887 года Александр Ульянов был повешен вместе с четырьмя своими товарищами.

Казнь брата потрясла Владимира. В эпигонской партийной литературе советских времен утверждалось, что молодой Ульянов тут же решил посвятить свою жизнь революционной борьбе. Это не так. И никаких слов «мы пойдем другим путем» он не произносил. Владимир Ульянов стал на путь профессионального революционера значительно позже. Юноша очень интересовался общественными науками, стремился глубоко изучить их. Явная ненависть старших детей Ульяновых к царю, его бюрократии и Церкви привела к поруганию в городе всей их семьи. Понимание проявил лишь отец будущего противника Ульянова в революции, Федор Михайлович Керенский, директор Симбирской гимназии, который порекомендовал молодому человеку, окончившему его гимназию с золотой медалью, поступить на юридический факуль-

тет университета в Казани. В 1887 году семья Ульяновых переехала в Казань, Володя поступил в университет.

А в начале декабря того же года за участие в студенческой сходке он был исключен из университета и арестован. Ульянов выделялся среди других студентов только потому, что обладал рыжими волосами. Оказавшись среди задержанных, Владимир два дня провел в тюрьме. Владимиру Ульянову обратный путь в университет был закрыт на три года, и не потому, что он был виновен больше других, а только лишь за то, что был братом Александра.

Вместе с матерью Ульянов уехал в имение в Кокушкино – восхитительное место для летнего отдыха. Но зимой там было скучновато. Владимир еще никогда не читал так много и увлеченно, как во время вынужденного пребывания в Кокушкине. Он читал специальную литературу, поскольку надеялся на восстановление в университете. Тогда же он впервые увлекся литературой по социальным и политическим вопросам. До смерти брата он не выказывал интереса к политике. Хотя, как и большинство его ровесников-гимназистов, читал запрещенную литературу. Юноша смолodu выработал привычку к методичному изучению, нечто вроде зубрежки, тех предметов, с которыми сталкивался впервые. Вынужденное бездействие дало возможность погрузиться в многообразие русской литературы по заинтересовавшим его вопросам. В домашней библиотеке имения Владимир обнаружил не только книги, но и подшивки таких известных литературных и общественных журналов, как «Современник» и «Европейский вестник». Это было зимой 1887/1888 года. Он попал под чары Чернышевского, побудившие многих предшественников и современников Ульянова вступить на революционный путь.

Исключение из университета явилось для Владимира первым личным опытом столкновения с несправедливой и грубой политической системой России. Надо понимать, какой удар был нанесен юношескому самолюбию. Если до исключения из университета Владимир Ульянов уклонялся от политики и, принимая участие в студенческих беспорядках, как, впрочем, и большинство студентов, не преследовал никаких целей, то теперь он попал под наблюдение полиции и оказался под домашним арестом. Да еще, в отличие от большинства виновных в студенческих беспорядках, которым позволили продолжить учебу, в течение трех лет неизменно получал отказы на прошения о пересмотре дела. Лишь попав в списки «неблагонадежных лиц», самой судьбой он был обречен активно включиться в революционное движение.

К этому времени марксистская идеология завоевала господствующее положение в западноевропейском рабочем движении и начала распространяться и в России. Первым выдающимся пропагандистом марксизма в России был Георгий Валентинович Плеханов. Вынужденные скрываться за границей от царского преследования, Плеханов и его товарищи организовали в Женеве в 1883 году первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда». Ее участники переводили книги Маркса и Энгельса на русский язык и тайно пересылали их в Россию. У истоков зарождения российской социал-демократии, помимо Плеханова, были Вера Засулич, Л.Г. Дейч и П.Б. Аксельрод. Насмотревшись в разных городах Европы на революционеров из России, Плеханов позже почти пророчески писал, что, если им удастся захватить власть, им придется вводить социализм путем издания соответствующих декретов, после чего «совершившаяся революция может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перувианской империи, то есть к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке», так как декреты повлекут за собой насильственное разрушение веками сложившегося жизненного уклада русского народа, и его ответную реакцию начнет обуздывать свирепый деспотизм. Поэтому, прекрасно зная свою Родину и желая предотвратить неизбежную кровавую бойню и разорение страны, Плеханов считал, что исконно русская *община* должна послужить «исходным пунктом для организации всех сторон экономической жизни народа на социалистических началах». Однако никаким «аграрником» при этом он никогда не был, будущее России, как и Ленин, связывал с ведущей ролью ее растущего рабочего класса. Но пока она оставалась страной преимущественно крестьянской, Георгий Вален-

тинович видел чрезвычайную опасность в том, что ее станут переделывать на социалистический лад революционеры, знающие русскую жизнь в теории и не принимающие во внимание русский патриотизм. О последнем Плеханов предупреждал особенно, но совсем не потому, что сам был коренной русак и свой народ ставил выше других. Российская империя веками держалась, собственно, на России и за счет России, русский мужик нигде не вел себя так, как англичанин в Индии или голландец в Индонезии. При этом по своей численности русские всегда составляли в Российской империи подавляющее большинство, никого, однако, не подавляя. Плеханов, судя по всему, это понимал. Потому и заклинал не посягать на русский патриотизм.

В 1880-х годах в России появились марксистские кружки и группы. Организовав в 1892 году в Самаре первый марксистский кружок, молодой Ульянов никогда уже не сворачивал с тернистого пути революционной борьбы с неизбежными арестами, ссылками, нелегальным положением и эмиграцией.

Ульянов в августе 1893 года приехал в Петербург, а в 1895 году создал Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». За это был сослан на три года в село Шушенское Енисейской губернии. В 1900 году он выехал за границу, где стал издавать первую общерусскую нелегальную марксистскую газету «Искра». В это время в России стало нарастать революционное движение, во главе которого оказались наиболее передовые рабочие. Множились забастовки на фабриках и заводах, поднимались против помещиков крестьяне, волновалась студенческая молодежь. Объективно нужна была сильная, организованная партия, чтобы возглавить это движение. Борьбу за партию и повела ленинская «Искра».

С конца 1901 года Владимир Ильич стал подписывать некоторые свои работы псевдонимом «Ленин». Подлинное происхождение этого имени установить невозможно. Хотя некоторые авторы проводят аналогию с Плехановым, который подписывал свои работы «Волгин», по названию русской реки Волги. Но река Лена, протекающая в Восточной Сибири, привлекла внимание революционного мира только в 1912 году в связи с известными событиями. Сам Ленин никогда там не был.

В 1902 году вышла в свет книга Ленина «Что делать?», сыгравшая громадную роль в создании партии. Ленин мыслил создать, в отличие от рабочих партий Западной Европы, которые уживались с оппортунизмом, совершенно иную, подлинно революционную пролетарскую партию, способную организовать и повести рабочий класс России на штурм царского самодержавия и капитализма. Чтобы возглавить рабочее движение, стать его руководящей силой, партия должна быть вооружена передовой революционной теорией – марксизмом. Эту теорию она должна внести в рабочее движение и тем самым *придать* ему социалистическую сознательность. Ленин считал, что пролетариат собственными силами может достичь лишь профсоюзного сознания, а современное социалистическое сознание может быть привнесено ему только извне и является результатом научного познания. Этим самым Ленин хотел наделить партию (верхушка которой являлась интеллигенцией) *монополией* на идеологию и руководство рабочим движением. Противоречивость его позиции теперь, задним числом, можно увидеть в том, что, с одной стороны, он к русской интеллигенции относился с недоверием, а с другой – как бы не замечал ее засилья в руководстве партии. Однако он выдвинул требование централизованного иерархического построения партийной организации, которая должна быть подчинена «пролетарской дисциплине» и обучена не хуже армии.

Вопрос об идеологической приверженности решался сам собой: каждый человек на земле, независимо от имущественного положения, образования, происхождения и воспитания, хотя бы для себя самого постоянно решает вопрос, на чьей он стороне: трудящихся или тунеядцев. Итак, нужно было создать партию трудящихся и вооружить ее революционной теорией. Некоторых смущает вопрос: почему в партии и в ее руководстве оказалось такое большое количество евреев? На этот вопрос можно дать такой ответ. Евреи всегда были неизмеримо динамичнее других, они меньше связаны традициями, условностями, предрассудками.

Евреи практически достигли поголовной грамотности. Легко заметить, что существуют два обстоятельства, делающих еврея более активным и более умным, чем окружающие. Во-первых, это сама по себе жизнь в диаспоре, за которой стоит жесткое давление окружающего мира, постоянная и беспокойная борьба за жизнь. Еврей совершенно точно знает, что он должен быть не просто умным и хорошо помнить Талмуд. Он должен уметь делать что-то такое, за что ему заплатят деньги. Причем он должен уметь делать это так хорошо, чтобы деньги заплатили именно ему. Во-вторых, еврей волей-неволей знает несколько языков. Живя среди других народов, он вынужден говорить на языках тех, кто вокруг.

И как итог, евреи – это передовой народ на протяжении огромного периода истории. Умные и ученые есть у всех народов, но ученых у других народов в процентном отношении меньше. А у евреев – грамотные многие. Евреи очень стремились к образованию. Этим отличались все 4 или 5 млн евреев Российской империи, заселявших Малороссию, Белоруссию, Молдавию, Польшу и Литву.

Ветер странствий и гонения привели их предков в эти земли достаточно давно. Еще в X – XIII веках на Киевской Руси существовали кланы славяноязычных евреев (кенааним). В XVI – XVII веках они были поглощены пришедшими с Запада евреями (ашкенази), говорящими на идиш. Это было нацменьшинство, «инородцы», каких на Руси были десятки, причем «инородцы», не свалившиеся с Луны, а оказавшиеся в пределах империи вследствие разделов Польши и других завоеваний. Беднота занималась ремеслами, богачи – коммерцией. Землей евреи не владели. Это запрещалось законами, охраняющими земли коренного населения от ловких и безжалостных евреев.

В первом десятилетии XX века в русском еврействе произошел, применяя терминологию Гумилева, «пассионарный толчок», самый мощный, может быть, со времен Иудейских войн. Этот толчок разделил русское еврейство по нескольким направлениям.

Первая, самая талантливая и миролюбивая часть, пошла в науку и культуру. По итогам XX века результаты следует признать впечатляющими: более двух десятков Нобелевских лауреатов, несколько десятков академиков, лауреатов Сталинских, Ленинских и Государственных премий, Героев соцтруда, сотни докторов наук, звезд искусства, шахматистов, скрипачей и т. д.

Вторая часть – около 2 млн человек – рискнула эмигрировать в США в поисках лучшей доли, не надеясь на Россию.

Третья часть, самая малочисленная, занялась революцией профессионально. Это были в основном недоучившиеся студенты, переполненные эмоциями и готовые жертвовать всем молодые люди и девицы, интеллигенция. Евреи кожей чувствовали приближение грозы и пополняли ряды революционеров. Больше всего евреев было в партии эсеров.

Неравноправие, еврейские погромы, ограничения свободы выбора места жительства вызвали в евреях враждебность к власти. Когда российскому пролетариату понадобилась своя интеллигенция, кадры административных и технических работников, то неудивительно, что оппозиционно настроенное еврейство пошло ему навстречу. Пребывание евреев на административных постах новой России – совершенно естественная и необходимая вещь. Сама партия фактически произошла из еврейского Бунда – первой в Европе социал-демократической организации, съезд которой состоялся в 1897 году. В сентябре того же года на организационном его съезде в социалистическом Бунде возобладала идеология сионизма.

Через 6 месяцев, в марте 1898 года, в Минске состоялся I организационный съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), на котором российские социал-демократы отпочковались от Бунда. Ко времени революции Бунд совсем посорился с РСДРП. Бунд вел пропаганду на идиш и даже одно время отстаивал право любого еврея, где бы он ни жил, вести на идиш любые деловые документы. Из восьми делегатов I съезда РСДРП пятеро были евреями. В образованный на съезде Центральный комитет партии из трех человек вошли А. Крамер и Б. Эйдельман. Задолго до всех русских революций, начиная с глубокой Антич-

ности, евреи стремились проникать во власть, в финансовые сферы, проявляли сплоченность своей диаспоры, всегда держали нос по ветру и всегда стремились оказаться там, где пахло жареным.

Кажущееся засилье евреев при дворе и в русском обществе при царях действительно только кажущееся. Такое впечатление производят фамилии. Но это – русские немцы. Они начали появляться при Петре I в процессе «прорубания окна в Европу». Сюда следует причислить многочисленных прибалтийских немцев. И необходимо учесть непрерывное породнение русских царей, великих князей и княжон с немецкими владетельными домами – Мекленбургским, Брауншвейгским, Гессен-Дармштадтским, Голштейн-Готторпским, Ольденбургским, Лейхтенбергским и др.

Созыв II съезда РСДРП Ленин считал настоящей и неотложной задачей.

На II съезде в Брюсселе (потом из-за преследования со стороны бельгийской полиции заседание съезда продолжалось в Лондоне) в 1903 году РСДРП раскололась на большевиков и меньшевиков. Произошло это так. Продолжительному и бурному обсуждению на съезде подвергся проект программы партии. Ленин и его сторонники отстаивали революционную программу, положение о диктатуре пролетариата, необходимость союза рабочего класса и крестьянства, право наций на самоопределение и пролетарский интернационализм. Против этих основных марксистских положений выступали открытые оппортунисты: бундовцы, «экономисты» и другие антиленинцы. Их поддерживал и Троцкий.

Большинством голосов II съезд партии утвердил революционную программу, подготовленную редакцией «Искры». Тогда это была единственная в мире партийная программа, в которой борьба за диктатуру пролетариата выдвигалась в качестве основной задачи пролетарской партии. Руководствуясь этой программой, партия боролась за победу социалистической революции в России. Несмотря на лишения и жертвы, эту программу партия выполнила.

Резкие разногласия на съезде произошли при обсуждении устава. Ленин хотел создать единую боевую партию, каждый член которой участвовал бы активно в революционной борьбе и подчинялся железной партийной дисциплине. Это затрудняло бы доступ в партию непролетарским неустойчивым элементам, способствовало бы созданию партии организованной, дисциплинированной. Но незначительным большинством голосов было принято оппортунистическое предложение Мартова Ю. О. (настоящая фамилия – Цедербаум): считать достаточным для члена партии признание программы партии и оказание ей материальной помощи, не обязывая его входить в партийную организацию и подчиняться партийной дисциплине. Как говорят сейчас, почувствуйте разницу: с партией, созданной на таких основах, рабочие никогда не смогли бы победить своих классовых врагов. И опять против ленинского организационного плана построения партии выступал Троцкий. На последних заседаниях съезда (Ленин на съезде просил слова сто раз), при выборе центральных органов, соотношение сил изменилось в пользу сторонников Ленина. При выборах в Центральный Комитет и редакцию центрального органа партии, которой была признана «Искра», сторонники Ленина получили большинство голосов. С тех пор их стали называть *большевиками*, а оппортунистов, оставшихся в меньшинстве, *меньшевиками*. Ленин, который стал тогда единственным непререкаемым авторитетом и лидером партии, слово «большевики» не любил.

Второй съезд РСДРП явился поворотным пунктом не только в российском, но и в мировом рабочем движении. Его историческое значение заключается в создании пролетарской партии нового типа – могучей силы, способной поднять рабочий класс и всех трудящихся России на свержение власти помещиков и капиталистов, на построение социализма (коммунизма). Чтобы осуществить эту историческую задачу, партия должна была иметь свою революционную теорию. За разработку такой теории взялся Ленин. Он начал с глубокого изучения марксизма – революционного учения, названного так по имени его основателя – Карла Маркса.

Всю свою жизнь Карл Маркс и его друг Фридрих Энгельс думали, как освободить рабочий класс и всех трудящихся от власти капитала. На земле нет человека, который не понимал бы, что если у одних сосредоточено все богатство, а у других ничего нет, то что-то здесь не так. Наверное, всю историю люди с совестью в той или иной мере возмущались несправедливостью устройства общества. Действительно, нормальному человеку всегда трудно было согласиться с положением, когда тысячи окружающих его людей живут впроголодь, в тяжелейшем труде ради того, чтобы обеспечить явным бездельникам праздную жизнь. Люди с совестью хотели перестроить мир, особенно те, у которых особых богатств не было. И планы у них имелись, но не было того, что дает безусловную уверенность в действиях – осознания правоты своего дела. Дела справедливого, но очень трудного, очень опасного и неблагодарного. Вспомните участь Максимилиана Робеспьера. Марксизм давал новую надежду. Революционеры, для которых борьба за лучшую долю трудящихся стала смыслом жизни, получили благодаря Марксу осознание своей *правоты*.

Ленин, изучая капитализм и его империалистическую стадию, пришел к выводу о возможности победы социалистической революции (то есть о возможности для революционной партии захватить власть и направить развитие по пути к коммунизму) первоначально в одной (разумеется, в капиталистически развитой) стране.

Что касается России, то он считал, что даже свержение царского самодержавия возможно лишь в отдаленном будущем. Это он утверждал менее чем за два месяца до Февральской революции 1917 года, в январе, выступая в Цюрихе. Да и позднее он говорил в кругу своих соратников-эмигрантов, что они вряд ли доживут до революции в России.

Материальные условия жизни Ленина в эмиграции в Швейцарии были исключительно тяжелыми. Основным средством существования Ленина и его жены Надежды были литературные гонорары (Крупская приехала к нему в ссылку в сибирское село Шушенское, стала там его женой и до конца жизни мужа была его соратником, другом и верным помощником). Политические антивоенные статьи и книги издавать было невероятно трудно. Помогала материально мать Ленина.

В Цюрихе они жили на узкой улице, в старом мрачном доме с тесным двором. Комната, которую они снимали у сапожника, была полутемная и неудобная. В этих условиях Ленин вел напряженную теоретическую работу. К тому времени, когда в России произошла буржуазно-демократическая революция, Ленин сформулировал для себя понимание большевистской революции как попытку создать новый мир на обломках старого, который разваливался как бы сам собой в результате логики своего развития.

Накануне решающих событий Ленин удачно отреагировал на ситуацию «Апрельскими тезисами». Позже, уже в советское время, ради придания тезисам Ленина научной основы, под этим названием были объединены несколько разных документов. Многие положения «Апрельских тезисов» сегодня кажутся устаревшими, но восхищает их пафос. Ленин – большой энтузиаст. И куда-то в сторону отходят досужие рассуждения о деньгах кайзера, равно как и кажутся несостоятельными теперешние выдумки (Брагин А. П.): евреи придумали «отравленную идею классовой борьбы, скормили ее народам России с целью свергнуть руками толпы национальную элиту государства и сесть на ее место».

Приехав 3 апреля ночью в Петроград, Ленин смог выступить уже 4 апреля на собрании большевиков. Вождь большевиков присутствовал и на открытии I Всероссийского съезда Советов 10 (23) июня 1917 года. Ленин потребовал забрать всю полноту власти из рук Временного правительства, ему возразил Церетели, один из министров-меньшевиков: «Нет такой политической партии, которая была бы способна, действуя самостоятельно, покончить с хаосом и взять в свои руки власть».

«Нет, – раздалась знаменитая реплика Ленина, – такая партия есть! Наша партия каждую минуту готова взять власть целиком».

Эсеро-меньшевистский зал над этими словами Ленина долго хохотал. Возможно поэтому после таких слов Временное правительство Ленина не арестовало. Хотя Церетели, почувствовав и осознав опасную решимость Ленина и его людей, потребовал разоружить «заговорщиков». Ему казалось, что Ленин способен прямо во время съезда, при поддержке массовых демонстраций, свергнуть посредством путча Временное правительство и захватить власть именем Советов.

Ленина не арестовали. Но ЦК партии от решительных действий отказался, Ленин отправился на финские озера (по официальной версии – подальше от рук Временного правительства, а по версии его немецкого биографа Георга фон Рауха – просто отдохнуть). Трудно представить, что было бы с Россией и как развивались бы события, если бы Керенский арестовал тогда Ленина... Ленин ровно 111 дней, с 6 июля по 25 октября, имел возможность сосредоточиться на теоретических вопросах революции. В Разливе, в поселке и на станции Приморской железной дороги, в 32 км от Петрограда, жили рабочие Сестрорецкого оружейного завода. Сюда в ночь на 10 (23) июля 1917 года Ленин приехал к рабочему Н. А. Емельянову. Несколько дней он провел на чердаке сарая, а затем под видом финна-косца поселился в шалаше у стога сена на берегу озера Сестрорецкий Разлив. Там он работал над тезисами «Политическое положение», двумя статьями – «К лозунгам» и «Уроки революции», над книгой «Государство и революция». В связи с наступившими холодами и угрозой обнаружения его местонахождения, по решению ЦК РСДРП (б) – Ленин в августе выехал из России в Финляндию.

В водовороте революции книга «Государство и революция» сразу не нашла читателей, так как была издана только после Октября. В ней Ленин в основном работал над проблемой государства. Прежде всего для собственной внутренней уверенности и для будущего. Кстати, в этой книге было одно положение: всякий партийный и советский руководитель не может иметь больше материальных благ, чем любой другой руководитель, например технический или хозяйственный. Если бы этот принцип всегда соблюдался, то Советская власть существовала бы в России и по сей день.

А вот что касается роли и отмирания государства, положения книги были спорными. Даже тогда – вскоре после захвата власти – одной из постоянных забот Ленина было сохранение преемственности системы управления страной. Советская же эпигонская литература, увы, упор делала на стремлении Ленина сохранить идейную преемственность. Но поезд тогда уже ушел.

Ради исторической правды и из желания отдать должное Ленину-революционеру приведу цитату из его письма Каменеву, датированного июлем 1917 года: «...Если меня укокошат, я вас прошу издать мою тетрадку “Марксизм о государстве” (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная... Собраны все цитаты, из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок. Формулировать. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно еще “entre nous” (фр. – между нами)».

Революционный вождь, травимый как агент враждебного государства, ожидающий возможного покушения со стороны врагов, заботится об издании «синей» тетради с цитатами Маркса – Энгельса – таково его секретное завещание. Словечко «укокошат» должно служить противоядием ненавистной патетике: поручение по своему существу имеет патетический характер.

Ожидая удара в спину, Ленин сам должен был нанести удар в грудь. Пока он между чтением газет и писанием инструктивных писем приводил в порядок полученную наконец из Стокгольма драгоценную тетрадь, жизнь не стояла на месте, и близился час, когда вопрос о власти предстояло решать практически. Как только большевики получили возможность влиять на оба столичных совета, Ленин сказал: «Наше время пришло», хотя оставался сторонником всемирной пролетарской революции. Само завоевание власти в России он рассматривал прежде

всего как толчок к европейской революции, которая для судеб человечества должна была иметь несравненно большее значение, чем революция в отсталой стране. Об этой исходной позиции Ленина наша эпигонская историография предпочитала молчать, так как этот расчет Ленина был опровергнут последующими событиями, и, согласно позднейшим теориям, русская революция, при всех условиях, оказалась самодовлеющей. Между тем ленинская оценка международной обстановки не была иллюзорной. Симптомы, которые он наблюдал сквозь сито военной цензуры всех стран, действительно знаменовали приближение революционной бури. Революция на Западе, правда, не поставила у власти пролетариат – реформисты спасли буржуазные режимы, – но оказалась все же достаточно существенным фактором, чтобы оградить Советскую республику в первый, наиболее опасный период ее существования. Ситуация была такова, что на основе глубокого и всестороннего анализа внутренней и международной текущей обстановки Ленин созрел для постановки перед РСДРП (б) вопроса подготовки и организации вооруженного восстания.

В брошюре «Уроки революции», написанной в Разливе, он пишет, что февральская полоса революции в России окончилась неудачей.

По его мнению, революционный взрыв, произошедший в конце февраля 1917 года и положивший начало Февральской революции, свержению самодержавия и крушению Российской империи, был не тем, что надо.

Февральская революция носила буржуазно-демократический характер. Свергнув царизм, она фактически не решила ни одной из насущных задач. Продолжалась империалистическая война, оставался нерешенным вопрос о земле, не были удовлетворены основные требования рабочего класса (восьмичасовой рабочий день, повышение заработной платы и др.), оставался крайне острым национальный вопрос. Правящая буржуазная партия – кадеты – была согласна на те реформы, которые не затрагивали бы коренные интересы и привилегии капиталистов и помещиков. Кадеты были *экономически заинтересованы* в сохранении помещичьего землевладения и возражали против экспроприации этой формы частной собственности. И точно так же правящая буржуазия не могла отказаться от продолжения войны, которая давала громадные *барыши* на военных поставках. Вследствие этого Временное правительство лишалось поддержки широких масс населения. Оно могло управлять страной лишь до созыва Учредительного собрания, поэтому всячески саботировало его созыв, заняв в условиях «полевения» общества позицию: «сначала успокоение, потом реформы».

Глава 5

Троцкий и Ленин в октябре

Ленин поразительно быстро оценил представившуюся возможность захватить власть и использовал ее. Мало того, он успел разработать идеологию социалистической революции в России, которая позже стала называться *марксизм-ленинизм*. К этому времени у большевиков имела организация, которая превратила возможный вариант в историческую реальность. Возможно, самым большим творением Ленина и его соратников – Троцкого, Каменева, Зиновьева, Сталина, Дзержинского – было создание партии, сумевшей собрать и нацелить энергию, волю и веру революционеров на создание образа новой *реальности*, вовлечь в этот процесс миллионы и миллионы людей по всей России.

Множество авторов умаляют роль Ленина в Октябрьском перевороте 1917 года, а советскими историками она, наоборот, преувеличивалась. Некоторые же методом сравнения количества лиц, приехавших с Лениным и с Троцким, а также по наличию у них денег предпочтение отдают все же Троцкому.

Для соблюдения «нейтралитета» в этом вопросе нам не остается ничего другого, как сослаться на самого Троцкого, который предпочтение отдает Ленину. Возможно – из-за скромности, а скорее потому, что считал – чистокровному еврею нельзя отдавать верховную власть в такой стране, как Россия.

Нелегко из нагромождения доступного теперь исторического и псевдоисторического материала выделить более или менее достоверную картину развития событий в России в те месяцы лета и осени 1917 года. От Троцкого в этом, конкретном, случае можно было бы ожидать, что он с учетом «личного участия в описываемых событиях» будет тянуть одеяло на себя, то есть выставлять себя в самом лучшем свете. Но читатель сам может определиться, делает это Троцкий или нет, почитав его уникальнейшую «Историю русской революции», которая до 1997 года никогда не издавалась в СССР, и представляет для нас тот интерес, что в ней содержатся откровения одного из главных действующих лиц.

Страстный борец за мировое социальное переустройство, с юных лет посвятивший свою жизнь революции, Лев (Лейба) Давидович Троцкий (Бронштейн), по многим свидетельствам, был приобщен к марксизму своей невестой, потом супругой Александрой Соколовской. Обвенчал их раввин в Таганской тюрьме Москвы, откуда молодожены отправились в сибирскую ссылку. Пробыл там Троцкий недолго и без сожаления оставил Александру с двумя маленькими дочками, совершив побег.

Через Цюрих молодой папаша отправился в Лондон для встречи с Лениным. Из-за трудностей, возникших в связи с печатанием «Искры» в Лейпциге, а потом и в Мюнхене, в апреле 1902 года Ленин принял решение перенести издательскую деятельность в Лондон. Ленин принял Троцкого в редакционную коллегию «Искры». После завершения 23 августа 1903 года лондонской части II съезда РСДРП Ленин постоянно подвергался огромному количеству нападок со стороны своих бывших товарищей. Сильнее других донимал его Троцкий: «Ленин деспот и террорист, который хочет превратить центральный комитет в “комитет общественной безопасности”, чтобы играть роль Робеспьера. Если бы якобинцы остались у власти, то, пожалуй, под нож гильотины попала бы и львиная голова Маркса». (Отмечу, что последовавшая спустя некоторое время жестокость самого Троцкого совершенно не соответствовала тем его первоначальным «ангельским» заявлениям.)

После II съезда РСДРП, расколовшего партию на две фракции, Троцкий примкнул к меньшевикам, принял активное участие в их борьбе против большевиков, правда, ненадолго. Лев Давидович несколько отошел от своих сторонников, но связи с ними не порывал, объявив о «внефракционной» позиции, ибо озаботился примирением враждующих сторон. Не все мень-

шевистские вожди отнеслись к нему дружелюбно, особенно неприязненное отношение всегда демонстрировал Г. В. Плеханов. В работе «Наши политические цели», вышедшей в Женеве в 1904 году, Троцкий предсказал: централистское понимание Лениным роли партии неизбежно приведет к тому, что диктатура пролетариата в конце концов вырождается в диктатуру одного человека.

Новый этап карьеры партфункционера Троцкого начался уже в первые дни русской революции 1905–1907 годов. В 1905 году Троцкий вернулся в Россию задолго до Ленина и тотчас же вдохновился идеей Советов. Очевидно не без влияния Троцкого, Ленин после некоторого колебания уверовал в Советы (старая идея Аксельрода). В октябре 1905 года возник Петербургский совет рабочих депутатов. Руководящим органом его стала Исполнительная комиссия во главе с беспартийным адвокатом Хрустальевым-Носарем. Видную роль в нем играли меньшевики Мартов, Мартынов, Дейч, их сторонники – Парвус и Троцкий. После ареста Петербургским охранным отделением Носаря на заседании 27 ноября было избрано исполнительное бюро в составе Троцкого, рабочего Обуховского завода Петра Злыднева и Введенского-Сверчкова, которое коллегиально должно было исполнять обязанности председателя. Но уже 3 декабря все они также подверглись аресту. Однако Троцкого почему-то впоследствии стали именовать председателем Совета, а сам он тоже выдавал за действительный факт руководство Петросоветом, хотя на этом посту находился меньше недели.

Троцкий на суде свою руководящую роль в этом органе, конечно, отрицал. По дороге в ссылку Троцкий бежал. Когда царское правительство арестовало исполнительный комитет Петроградского совета, революционная ситуация в Москве, где большевики имели сильные позиции в рабочей среде, обострилась. Призыв к всеобщей забастовке нашел горячий отклик среди трудящихся. Без какого-либо четкого плана сооружались баррикады. 9 декабря начались уличные бои.

В 1914 году в среде социал-революционеров и меньшевиков произошел раскол на патриотов (война до победного конца) и интернационалистов (мир любой ценой), в число последних входили Аксельрод, Мартов и Троцкий. Оказавшись за границей, Троцкий не мог получить визы для проезда в Россию. Высланный из Франции в 1916 году, он с января 1917 года жил в Нью-Йорке. Официально заработав несколько сотен долларов, Троцкий жил в США небедно: у него была своя машина с шофером, дом с холодильником и пылесосом (большая роскошь по тем временам). Некоторые утверждают, что паспорт для возвращения в Россию вручил ему сам президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон. Родной дядя Троцкого, Абрам Животовский – биржевик и миллионер, член «Русско-Азиатского банка», торговал металлом в США. Трое его братьев жили в разных странах и пытались позже наладить деловые отношения с большевиками.

Троцкий 26 марта 1917 года с большой группой революционеров на пароходе отплыл в Россию. В канадском Галифаксе его было арестовали английские власти как возможного германского агента. Однако очень быстро освободили по просьбе английского посольства в Вашингтоне. Это дает право предполагать, что Троцкий имел поддержку в высших политических кругах США. Кстати, об американцах. Немцам революция в России была нужна, чтобы спастись. А вот с американцами дело обстояло гораздо сложнее. В России того времени посол Соединенных Штатов был, пожалуй, самым безоговорочным сторонником Февральской революции. Он отзывался о ней как о «самой изумительной революции в истории». А президент США Вильсон осуждал «автократию, которая увенчала вершину русской политической структуры и столь долго прибегала к столь ужасным методам, что не была русской ни по происхождению, ни по характеру, ни по своим целям. Теперь она *от рынка* (курсив мой. – **В.К.**), и великий благородный русский народ примкнул со всем своим естественным величием и мощью к силам, которые сражаются за свободу, справедливость и мир».

Можно подумать, читатель, что эти слова не почти столетней давности, а произнесены сегодня. Американцы решали в Первой мировой войне свои собственные задачи. И важнейшей из них было одновременно и Германию сокрушить, и ослабить Британскую империю заодно с Францией. В связи с этим США рассматривали послефевральскую Россию как своего естественного союзника, как младшего партнера, такого «младшего братца» в роли сырьевого придатка и бездонного рынка для сбыта американской продукции. Ну совсем как сейчас. Но было и отличие: американцы выступали против царизма по причине «еврейского вопроса». Но здесь следует добавить, что политика Америки в отношении России всегда была коварной. Вспомним, как Теодор Рузвельт натравливал Японию на Россию. Вначале Англия и США вооружили ее, самурайскую, до зубов. Не давали покоя североамериканским капиталистам залежи угля и нефти на Сахалине. Тайный агент «Стандард-ойл» безвылазно торчал в Александровске, делая вид, что образует нефтяной синдикат, а в действительности собирал разведанные для американской, японской и... германской разведок. Рузвельт желал, чтобы японцы и русские основательно потрепали друг друга; предполагалось после войны между ними сохранить в Азии спорные районы, в которых постоянно возникали бы опасные трения, и тогда Япония, соперничая с Россией, не стала бы распространять свое влияние на районы, куда простираются американские интересы.

Итак, обратимся к Троцкому, к его видению событий, изложенному в упомянутой выше книге «История русской революции». Троцкий пишет, что на заседании Совета республики, которое 7 октября 1917 года открыл премьер Керенский, именно ему, Троцкому, на основании перенятого по наследству от Государственной думы регламента дали десять минут для внеочередного заявления от имени большевистской фракции.

Троцкий в книге о себе пишет в третьем лице.

В зале воцарилось напряженное молчание. Оратор начал с констатации, что власть сейчас столь же безответственна, как и до Демократического совещания, созывавшегося, видимо, для «обуздания» Керенского, и что представители имущих классов вошли во Временный совет в таком количестве, на какое они не имеют ни малейшего права. Если бы буржуазия действительно готовилась к созыву Учредительного собрания через полтора месяца, ее представители не оправдывали бы сейчас с таким рвением безответственность власти. Вся суть в том, что буржуазные классы поставили себе целью сорвать Учредительное собрание. Удар попадает в цель.

Наиболее бурно протестует правое крыло. Не отрываясь от текста, оратор бичует промышленную, аграрную и продовольственную политику Временного правительства. Говорит, что создается впечатление, что правительство ведет дело не иначе, как если бы поставило себе цель толкать массы на путь восстания. И тогда в зале протесты перерастают в бурю. Крики о Берлине, о немецком золоте, о plombированном вагоне, и на этом общем фоне – уличная брань. Прокладывая себе дорогу через взрывы ненависти, чередующиеся с моментами затишья, оратор заканчивает словами: «Мы, фракция большевиков, заявляем: с этим правительством народной измены и этим Советом контрреволюционного попустительства мы не имеем ничего общего... Покидая Временный совет, мы взываем к бдительности, мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России. Петроград в опасности! Революция в опасности! Народ в опасности!.. Мы обращаемся к народу. Вся власть Советам!»

Оратор сходит с трибуны. Несколько десятков большевиков покидают зал под напутственные проклятия. С уходом большевиков «цвет нации» остается на посту. Только левый фланг соглашателей пригнулся под ударом, направленным, казалось, не против него.

При разгорающейся крестьянской войне, обостряющемся национальном движении, углубляющейся разрухе, распадающемся фронте, расплывающемся правительстве советы становились единственным оплотом радикальных сил. И всякий возникавший вопрос превращался в вопрос о власти, а проблема власти вела к съезду Советов. Он должен был дать ответ на все вопросы, в том числе и на вопрос об Учредительном собрании.

Ни одна партия не снимала еще лозунга Учредительного собрания, в том числе и большевики. Но в ходе событий революции главный демократический лозунг, в течение полутора десятилетий вдохновлявший героическую борьбу масс, потерял свою актуальность. Динамика революции поставила на повестку дня борьбу за власть между двумя основными классами общества: буржуазией и пролетариатом. Ни буржуазии, ни пролетариату Учредительное собрание уже ничего дать не могло. Мелкая буржуазия города и деревни могла в этой схватке играть лишь второстепенную роль, так как брать в собственные руки власть она была не способна, а в Учредительном собрании она могла еще получить – и действительно получила впоследствии – большинство. Только не знала, какое употребление из него сделать. В этом и выражалась несостоятельность формальной демократии на глубоком историческом переломе. Сила традиций сказалась в том, что даже накануне последней схватки от Учредительного собрания ни один из лагерей еще не отрекался, но фактически буржуазия апеллировала к Корнилову, а большевики – к съезду Советов. Тогда довольно широкие слои народа, даже члены большевистской партии, питали в отношении съезда Советов конституционные иллюзии и связывали с ним представление об автоматическом и безболезненном переходе власти из рук коалиции в руки Советов. На самом деле власть надо было отнять силой, голосованием этого сделать было нельзя: только вооруженное восстание могло решить вопрос.

Координируя революционные усилия рабочих и солдат всей страны, давая им единство цели и намечая сроки, лозунг съезда Советов прикрывал в то же время полуконспиративную, полуоткрытую подготовку восстания постоянной апелляцией к легальному представительству рабочих, солдат и крестьян. Обличая собрание сил для переворота, съезд должен был затем санкционировать его результаты и сформировать новую власть, «беспорную для народа» (стиль Троцкого. – *В.К.*).

В расстановке сил решающая роль отводилась петроградскому гарнизону. Несмотря на начавшийся в конце июля перелом, в обновленном петроградском гарнизоне в течение августа еще господствовали эсеры и меньшевики. Некоторые воинские части не испытывали доверия к большевикам. Пролетариат не имел оружия: в руках Красной гвардии имелось всего несколько тысяч винтовок. Восстание в этих условиях могло закончиться жестоким поражением. Но в течение сентября положение начало меняться. После мятежа генералов соглашатели быстро теряли опору в гарнизоне. Недоверие к большевикам сменялось сочувствием, но не более. Гарнизон был по-мужицки подозрительным: не обманут ли большевики, дадут ли на самом деле мир и землю? Борьбаться за эти задачи под знаменами большевиков большинство солдат еще не собиралось. А так как в составе гарнизона сохранялись враждебные большевикам 5–6 тысяч юнкеров, три казачьих полка, батальон самокатчиков, броневой дивизион, то исход столкновения представлялся и в сентябре сомнительным.

Ход развития событий принес один предметный урок: судьба революции и большевиков оказалась неразрывно связанной с настроением солдат. Право распоряжаться отрядами вооруженных людей есть основное право государственной власти. Первое временное правительство, навязанное народу Исполнительным комитетом, обязалось не разоружать и не выводить из Петрограда воинские части, принимавшие участие в февральском перевороте. Такое формальное начало военного дуализма по существу означало двоевластие в стране. Крупные политические потрясения следующих месяцев – апрельская демонстрация, июльские дни, подготовка корниловского восстания и его ликвидация – неизбежно упирались каждый раз в вопрос о подчиненности петроградского гарнизона. И в ряде провинциальных городов дело обстояло примерно так же, как и в столице. В течение июля и августа обновленные гарнизоны подверглись большевизации. Реформирование петроградского гарнизона становилось неотложным, так как ожидаемый съезд Советов должен был по логике событий довести борьбу за власть до развязки. Чтобы противостоять попытке большевиков изменить соотношение сил в гарнизоне, Времен-

ное правительство подготовило хитрый ход – выставило аргументы патриотического и стратегического порядка.

После падения Риги и потери Моонзундских островов штаб разослал приказы о переформировании петроградских частей с целью отправки их на фронт. Одновременно вопрос был внесен в солдатскую секцию Совета. Ход противников революции был продуманным: предъявив Совету стратегический ультиматум, можно было вырвать у большевиков одним ударом военную опору из-под ног, либо же, в случае сопротивления Совета, вызвать острый конфликт между петроградским гарнизоном и фронтом, нуждающимся в пополнении и смене частей. Руководители Совета, отдававшие себе отчет в подготавливаемой для них западне, намеревались хорошо прощупать почву, прежде чем сделать опрометчивый шаг. Отказаться от выполнения приказа можно было только при уверенности, что мотивы отказа будут правильно поняты фронтом. В противном случае могло оказаться более выгодным произвести, по согласованию с окопами, замену частей гарнизона более революционными фронтовыми частями, нуждающимися в отдыхе. В таком духе уже высказался Ревельский совет.

Пытаясь разогреть патриотизм масс угрозой потери Петрограда, меньшевики внесли 9 октября в Совет предложение создать Комитет революционной обороны, который имел бы своей задачей участвовать в защите столицы при активном содействии рабочих. К величайшему удивлению меньшевиков, большевики приняли идею «Комитета обороны». Патриотическая инициатива соглашателей была как нельзя кстати, так как облегчала создание революционного штаба. Вскоре он стал называться Военно-революционным комитетом и стал главным рычагом переворота. Как только приказ о передислокации частей был из штаба округа передан Исполнительному комитету Петроградского совета, идея восстания начала *приобретать плоть*.

Троцкий пишет, что он свой доклад на одном из заседаний Совета закончил возгласом: «Да здравствует прямая и открытая борьба за революционную власть в стране!» И сам же поясняет, что это был перевод на язык светской легальности лозунга: «Да здравствует вооруженное восстание!» Потом, ради объективности, пишет, что только на следующий день, 10-го, Центральный комитет большевиков принял на тайном заседании резолюцию Ленина, прибывшего на заседание из Выборга. После десятичасового совещания, продлившегося до утра, десятью голосами против трех было решено осуществить восстание и назначить его на 20 октября, день открытия съезда Советов. Затем Ленин вновь вернулся в окрестности Выборга, а в Петрограде вся ответственность, как признал даже Сталин в одной из статей в ноябре 1918 года, была возложена на Троцкого.

Исполнительный комитет Петроградского совета опубликовал извещение об организации при нем особого отряда Красной гвардии, создание которой с ее традициями восходит к событиям 1905 года. Старая рабочая гвардия возродилась вместе с Февральской революцией и разделяла в дальнейшем превратности ее судьбы. К описываемому периоду подозрительное отношение солдат к Красной гвардии осталось далеко позади. Наоборот, почти во всех резолюциях полков выдвигались требования вооружить рабочих. Красная гвардия и гарнизон становятся отныне рядом. Вскоре они будут еще теснее связаны общим подчинением Военно-революционному комитету. Вот тут-то Временное правительство и обеспокоилось. Утром 14-го у Керенского состоялось совещание министров. Власти гадали: ограничится ли на этот раз дело вооруженной демонстрацией или же дойдет до восстания? Командующий округом говорил представителям печати: «Во всяком случае, мы готовы». Троцкий по этому поводу обобщает: «Обреченные нередко испытывают прилив сил накануне своей гибели». Взяв в свои руки вооружение рабочих, Совет действовал по всем направлениям.

Через четыре года после описываемых событий Троцкий об одном эпизоде из той поры рассказывал на вечере воспоминаний, посвященном Октябрьской революции, так: «Когда прибыла делегация от рабочих и сказала, что им нужно оружие, я говорю: “Но ведь арсенал не в

наших руках». Они отвечают: «Мы были на Сестрорецком оружейном заводе... Там сказали: если Совет прикажет, мы дадим». Я дал ордер на 5000 винтовок, и они получили их в тот же день. Это был первый опыт. Враждебная пресса немедленно завопила о выдаче государственным заводом оружия по ордеру лица, состоявшего под обвинением в государственной измене и выпущенного под залог из тюрьмы».

Керенский в ожидании непредвиденных последствий сделал, как он думал, ход конем – подчинил петроградский гарнизон главнокомандующему Северным фронтом Черемисову. Изымая столицу в военном отношении из собственного ведения как главы правительства, Керенский тешил себя надеждой, что подчиняет ее себе как Верховному главнокомандующему. В свою очередь генерал Черемисов, которому предстояла нелегкая задача, стал искать помощи у комиссаров и комитетчиков. Попытались выработать план совместных действий. Штаб фронта вместе с армейскими организациями вызвал на 17-е представителей Петроградского совета, чтобы «прямо в окопах» в упор им и предъявить свои требования. Петроградскому совету не оставалось ничего другого, как принять вызов. Делегации, состоявшей примерно пополам из членов Совета и представителей полков, был предложен проект заявления, составленный Свердловым.

Для оказания давления на делегацию в Пскове была создана помпезная обстановка: вокруг столов, покрытых внушительными картами, восседали господа генералы, высокие комиссары и представители армейских комитетов, начальники отделов штаба выступали с докладами о военном положении на суше и на море. Резюме всех докладчиков сходилось в одной точке: необходимо немедленно вывести Петроградский гарнизон для защиты подступов к столице. Но поскольку уроки корниловских дней были еще в памяти у всех, делегации удалось легко противостоять натиску штаба, и она вернулась в Петроград более единодушной, чем до отъезда. Борьба за гарнизон переплелась с борьбой из-за съезда Советов. До намеченного первоначального срока его созыва оставалось четыре-пять дней. «Выступление» увязывалось с началом съезда. Предполагалось, что, как и в июльские дни, движение должно развернуться по типу вооруженной массовой демонстрации с уличными боями. Настроение рабочих было таким, что они были готовы двинуться в любой момент.

18-го впервые было созвано Гарнизонное совещание, которое телефонограммами воинским частям хотело рекомендовать воздерживаться от самочинных выступлений и выполнять лишь те распоряжения штаба, которые будут одобрены солдатской секцией. Совет таким образом получал контроль над гарнизоном. Президиум ЦИКа, считавший себя хозяином Смольного, сделал попытку приостановить рассылку телефонограмм, чем лишний раз скомпрометировал себя. На состоявшемся собрании представителей полковых и ротных комитетов Петрограда и окрестностей ЦИКу было отказано в доверии. Было принято решение: никакие приказы без скрепы Совета не действительны. Не ограничиваясь формальным опровержением слухов о восстании, Совет открыто назначил на воскресенье, 22-е, мирный смотр всем силам, но не в виде уличных шествий, а в виде митингов на заводах, в казармах, во всех больших помещениях столицы.

22 октября весь Петроград, за исключением «верхних слоев населения» (стилистика Троцкого. – *В.К.*), представлял сплошной митинг. Вздурораженные большевиками массы увидели себя и своих вождей, вожди увидели и слышали массы. Сотни тысяч людей поднимали руки и клялись довести борьбу до конца. Но Военно-революционный комитет все еще не дает сигнала к открытому восстанию. А Керенский в течение двух дней совещается то с вождями ЦИКа, то со своим штабом: не следует ли арестовать Военно-революционный комитет? Соглашатели не советовали: они сами попробуют урегулировать вопрос. Когда съезд Советов решили перенести с 20 на 25 октября, Ленин вначале не хотел и слышать об изменении дня проведения восстания. В действительности же именно эта отсрочка дала большевикам тот

дополнительный срок для подготовки, необходимость в которой Троцкий распознал с большей проницательностью, чем Ленин.

Подготовка к восстанию большевиками была проведена колоссальнейшая (см. последний том книги Троцкого «История русской революции»). Поскольку сама идея восстания вытекала спонтанно из новой ситуации и поворот мыслей Ленина в сторону немедленного захвата власти застиг руководство партии врасплох, в самом ЦК план вооруженного восстания тогда совершенно не нашел поддержки. Но настроенный решительно Ленин никому не позволял уклоняться и лавировать. А таких было большинство. Против восстания были и его ближайшие соратники: Бухарин, Каменев и Зиновьев, будущий «всероссийский староста» Калинин, ставшие позже видными деятелями советского государства Молотов, Орджоникидзе, Фрунзе и другие. Ленин не ограничивается свирепой критикой, а в виде протеста подает в отставку из ЦК по тем мотивам, что ЦК не отозвался на его настояния относительно захвата власти, а редакция «Правды» (Сталин), мол, печатает его статьи с намеренным промедлением и произвольным сокращением текстов.

Держа про запас свою отставку, но не выходя полностью из границ партийной легальности, Ленин уже с большей свободой действий стал входить в контакты с Петроградским, Московским комитетами и с наиболее надежными руководителями районных комитетов. Он всегда считал, что массы левее партии. Ленин, как никогда действенный, вечером 24 октября пишет известное письмо членам ЦК партии. Там были такие строки: «Промедление в восстании смерти подобно». А далее вообще сплошная романтика: «Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами..., а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс... История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все...»

Многие современные люди, одураченные демагогией «демократов», не знают, а если и знают, то неспособны понять революционную страсть этих строк Ленина. Вечером 24 октября Ленин покинул конспиративную квартиру и решил добраться до штаб-квартиры большевиков. Поскольку он до сих пор не был уверен в своих соратниках, ему следовало находиться в штабе. Вначале потребовал себе охрану: «Спросите, есть ли у них сто верных солдат или красноармейцев с винтовками, мне больше ничего не надо!» Но, не дождавшись охраны, он подвязал щеку платком, напялил парик и кепку и отправился (то ли на трамвае, то ли пешком) через весь Петроград в Смольный. Этот путь был далеко не безопасным. Город патрулировался юнкерами. Ленина могли узнать и арестовать, а это значительно усложнило бы положение.

В это время Временное правительство допустило ошибку – отдало приказ занять редакционное помещение «Правды», чем и дало повод большевикам для нанесения решительного удара. Перед рассветом вооруженные отряды начали занимать стратегические объекты: мосты, электростанции, вокзалы, телефонную станцию, телеграф. Сопrotивления оказано не было. У Временного правительства остались только юнкера и женский батальон.

Рано утром Керенский, сбежав из Зимнего дворца, отправился на фронт, чтобы привести в столицу войска для подавления восстания.

Но генералы указали ему на дверь, и он был вынужден довольствоваться несколькими сотнями казаков. Обезглавленное правительство засело в Зимнем. К полдню бывшая царская резиденция была единственным островком законной власти в большевистском Петрограде и имела в защитниках только юнкеров и женщин.

Триумvirат, непосредственно руководивший восстанием (Антонов-Овсеенко, Чудновский и Подвойский), решил, что не стоит по дворцу открывать стрельбу, уж слишком это было рискованно. Принято было такое решение – стрелять болванками с крейсера «Аврора» и с Петропавловской крепости.

«Штурм» Зимнего дворца, длившийся весь день, заключался практически в следующем: небольшие группы солдат и матросов проникали в здание и разоружали юнкеров, объясняя им всю бессмысленность сопротивления. Звучали отдельные выстрелы. Ленин дожидался результатов в Смольном, он сильно нервничал. II съезд Советов уже шел, а он не мог сказать делегатам, что с министрами, заседавшими в Зимнем дворце, возникли проблемы, что Керенский может вернуться с казаками. Ленин выходил из себя и ругал соратников за задержку.

Только ночью 26-го Ленин и Троцкий объявили делегатам съезда о «взятии» дворца. Съезд на это ответил овацией.

Наконец Ленин позволил себе покинуть Смольный и отправиться на квартиру Бонч-Бруевича, где мог отдохнуть в спокойной обстановке. Очевидно, его отдых был кратким, так как Ильич потратил утро на составление первых декретов – о земле и о мире. Установлено, что в ходе Октябрьского переворота с обеих сторон погиб 41 человек.

А в ходе переворота 1993 года – 1500 человек.

Глава 6

Первые шаги советской власти

Стремление к власти у Ленина было не на последнем месте. Об этом написано немало. Ему, конечно, далеко было до Бисмарка, которому приписывают такую акцию: он, чтобы прийти к власти, организовал увольнение всех немецких государственных мужей старше 65 лет. Поскольку сам был чуть моложе – прорвался к кормушке.

Получив власть, Ленин достиг цели. Ленина привлекала власть партийного лидера, а, став во главе государства, он не знал, как этой властью распорядиться. Во время восстания Ленин должен был оставаться на нелегальной квартире, но он потому рвался в Смольный, что опасался: среди большевиков не найдется никого, кто способен арестовать Временное правительство. Троцкий, говоривший, что, не будь Ленина у руководства восстанием, октябрьский переворот так и не произошел бы, был совершенно прав. Это был именно тот момент в истории, когда ее ход в большой мере зависел от того, найдется ли человек, способный на самые решительные меры. В этот час и в этом месте в полной мере проявились личные качества Ленина как вождя. Он оказался единственным, кто мог подвигнуть большевиков на немедленный захват власти. И это при том, что к руководству построением социализма в России сам Ленин был абсолютно не готов. Даже одно только свержение царского самодержавия Ленин считал возможным только в отдаленном будущем.

И вот он – на самой вершине власти. На Втором Всероссийском съезде Советов Ленин выступил с докладами по самым животрепещущим вопросам – о мире и о земле. И если по вопросу о мире большевики занимали позицию, в наибольшей степени отвечающую народным чаяниям, то их аграрная программа была далека от народных нужд. Пока в партии спорили, что принять за главный принцип – национализацию или муниципализацию земли, Ленин, чутко уловивший чаяния крестьянства, не смущаясь, предложил от имени большевиков проект декрета о земле, разработанный... эсерами. Вследствие этого разразился всероссийский скандал: эсеры сетовали на то, что большевики украли у них аграрную программу, на что Ленин отвечал так: вы составили свою программу на основе крестьянских наказов, но ведь вы столько времени были у власти, кто же мешал вам провести этот декрет в жизнь? А мы взяли власть и в первый же день дали крестьянам землю, на что вы так и не решились.

Вопрос о земле играл доминирующую роль в России, которая была крестьянской страной. Крестьяне страдали от безземелья. Поэтому неурожайный год сразу оборачивался голодом. На почве безземелья все время возникали крестьянские восстания, цель которых – захват помещичьих земель. Боевой лозунг, что от безземелья крестьян спасет раздел помещичьих земель, распространяли все левые партии: кадеты и все, кто левее их. Но одни партии считали, что для этого необходим декрет Учредительного собрания, другие предлагали создать комиссии для справедливого раздела. Одни большевики предложили немедленный раздел. Это и обеспечило им широкую первоначальную поддержку во время борьбы за власть.

Естественно, Ленин, как лидер партии, захватившей власть, возглавил первое правительство Советской России – Совет Народных Комиссаров. Это правительство впервые в истории объявило на весь мир о своем намерении строить самое справедливое общество на Земле – коммунизм. Попытки большевиков построить справедливое общество сопровождались вынужденными нелицеприятными и непопулярными делами. Большевики потому и удержались у власти, что сразу же показали, что взяли власть «всерьез и надолго», и не остановились перед самыми крутыми мерами, чтобы ее удержать. Они не только разогнали Учредительное собрание, отказавшееся утвердить их декреты, но и расстреляли демонстрацию питерских рабочих, выступивших в защиту «учредилки».

Большевики в течение длительного времени вынуждены были бороться вовсе не за социализм-коммунизм, а за удержание и упрочение власти, – хотя мало кто из них ясно осознавал это. То, что было названо периодом «военного коммунизма» (1918 – начало 1921 года), на деле являло собой отчаянную борьбу за сохранение и утверждение власти, а не создание определенной социально-экономической системы. Не следует упускать из виду и следующее. С самого начала своего возникновения на исторической арене коммунисты рассчитывали на некие добрые прирожденные качества в людях. Марксисты, объявившие материальное производство базисом общества, рассчитывали на высокий уровень сознания и нравственности людей при коммунизме, считая это неперемным условием реализации принципа «по потребности» и установления идеальных отношений между людьми.

Разочарование Ленина в «простых» людях, так сказать, наступило немедленно. Но это было еще не все. В Кремле в первые годы после революции стали устраивать свои дела аристократы эмиграции – Троцкий, Зиновьев (Радомысльский), Каменев (Розенфельд) и другие. Они насмотрелись за свою эмигрантскую жизнь на быт правящей верхушки западного общества, и для них первым завоеванием революции была возможность устроить с максимальным удобством и достаточно высокой роскошью свою жизнь. Они не отказывали себе ни в чем. Выбирали себе дворцовые квартиры, обставляли их самыми дорогими вещами. Чего стоило Ленину это терпеть? О роскошном бронепоезде, в котором ездил Троцкий по фронтам, знали все.

Итак, создатель большевистской партии – партии нового типа, человек, вовремя оценивший Советы как новую форму государственности, первоначально к руководству огромной страной был абсолютно не готов. Под стать председателю оказалось и первое Советское правительство. В число народных комиссаров входили Рыков, Антонов-Овсеенко, Луначарский, Троцкий, Сталин и другие. Это «самое образованное правительство в мире» состояло из людей, никогда прежде не управлявших даже маленькой конторой, а теперь взявших в свои руки судьбу громадного государства. Успешно проходили заседания СНК, на которых распределялись средства и решались организационные вопросы, а сложные задачи, где нужен был творческий подход, направлялись в комиссии. Все было впервые, все делалось на ощупь. Надо понимать, что строительство социализма в нашей стране шло бы несравненно успешнее, если бы не навязанная нам Гражданская война. Во время Первой мировой войны Ленин, как известно, занимал открыто пораженческую позицию. Он призывал социалистов всех стран превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Большевики немало сделали для разложения царской армии, для пропаганды братания солдат (хотя решающий удар по старой армии нанесло Временное правительство). Когда Ленин стал главой правительства, он в обход СНК обратился к немцам с предложением о мире. А немцы предъявили такие требования, которые нельзя было бы предъявить и к полностью побежденной стране. Условия мира были настолько унижительны, что они до сих пор у нас не опубликованы. Ленин на них согласился (ввиду его ошибочной уверенности в скорейшей революции в Германии). Для многих русских патриотов это стало как бы доказательством того, что Россию возглавил немецкий агент, и они подались на Дон – к Каледину, Краснову, Корнилову, Деникину.

А у Ленина для согласия на унижительный Брестский мир была веская причина. Дело в том, что «триумфальное шествие Советской власти» по стране привело к тому, что власть центра оказалась минимальной. В стране воцарились хаос и анархия. Украина, Грузия (видите, еще тогда) и другие окраины заявляли о своем отделении от России, возникали даже мелкие суверенные республики в пределах отдельных сел. Но самой страшной и потенциально разрушительной силой стала уходящая с фронта армия – миллионы солдат снялись с позиций и, вооруженные винтовками, а порой и пулеметами, ехали домой, силой захватывая поезда, добывая себе пропитание как удастся. Брошенный якобы Лениным лозунг «Грабь награбленное!» был воспринят в стране в буквальном смысле. Большевикам пришлось принимать самые крутые меры для наведения порядка, прежде всего в столицах, где в их подчинении были

отряды латышских стрелков, рабочих и матросов. Но что они могли поделать с грозной стихией миллионов демобилизовавших самих себя солдат? Поэтому заключение мира стало для новой власти условием выживания. Но это – с одной стороны. А с другой... Хотя Октябрьская революция логически предполагала гражданскую войну, таковая, уже с большой буквы, была навязана контрреволюционными генералами и Антантой. И, вопреки желанию первых и последней, стала процессом «собрания России» новой властью. И в победе красных над белыми сыграли роль следующие обстоятельства.

Первое. Предательское поведение Запада в отношении Белой армии. Политика Запада исходила, во-первых, из чисто прагматических соображений, которые для него всегда играли определяющую роль: стоит ли вкладывать деньги и усилия в Белую армию, «окупится» ли это? И когда к концу 1918 года Деникину удалось объединить антибольшевистские (в частности, белоказачьи) силы на юге России, Запад стал достаточно щедрым. Англичане боевое снабжение подвозили исправно, и Деникин начал триумфальный поход на Москву. В октябре 1919 года он дошел до Орла.

Второе. Запад издавна и даже извечно был категорически против самого существования великой – мощной и ни от кого не зависящей – России и никак не мог допустить, чтобы в результате победы Белой армии такая Россия восстановилась. Запад, в частности в 1918–1922 годах, делал все возможное для расчленения России, всемерно поддерживал любые сепаратистские устремления. Белое движение, ориентированное на Антанту, понимало, что в случае победы белых иностранные силы подчинят Россию своим интересам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.